

2010

Что есть
Россия?

Русские
страны

«Русский
бог»

Энергия
культуры

Страна
пути

Борьба за
будущее

Александр Неклесса

Русский мир. Цивилизация многих народов

Речь идет об императиве выбора Россией пути в будущее с учетом своего культурно-исторического наследия.

О формулировании концепции интенсивного обновления применительно к новым обстоятельствам.

О проекте трансформации внешней и внутренней политики в изменившихся условиях.

И о социальном дизайне, представляющем последовательную пропись шагов-действий по реализации национальной мечты.

Москва 2010

ББК 87.68
УДК 008
Н 54

Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.12.

А.И. Неклесса. «Русский мир. Цивилизация многих народов» / Научный Совет РАН «История мировой культуры». – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2010.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

код научной специальности издания 23.00.04

Основная работа над докладом проведена весной 2010 г. в рамках работы над проектом «Соловки». Сокращенные версии представлены летом 2010 г. на сайте «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» (www.intelros.ru); 29-30 июня – размещены в виде статей на сайте «Русского журнала» (www.russ.ru); рассылались в конце июня/начале июля членам и гостям клуба «Красная площадь». Доклад утвержден к печати Комиссией по социокультурным проблемам глобализации Научного Совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН 24 июня 2010 г.

© 2010, Александр Неклесса

РУССКИЙ МИР

ЦИВИЛИЗАЦИЯ МНОГИХ НАРОДОВ

ПРЕАМБУЛА.

ВЕКТОР СУДЬБЫ РОССИИ – ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

I. РЕСПУБЛИКИ МНОГИХ НАРОДОВ

1. ЭНЕРГИЯ КУЛЬТУРЫ
2. ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ?
3. РУССКИЕ СТРАНЫ

II. ЦИВИЛИЗАЦИЯ МНОГИХ НАРОДОВ

4. СТРАНА ПУТИ
5. «РУССКИЙ БОГ»
6. БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ

PERSONALIA

ПРЕАМБУЛА

ВЕКТОР СУДЬБЫ РОССИИ – ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Сотни лет мы шли навстречу вьюгам.

С юга вдаль – на северо-восток.

Максимилиан Волошин

Уважаемый господин председатель, коллеги, дамы и господа, предлагаемые вашему вниманию размышления – взгляд на одну из потенциальных версий развития событий внутри и вокруг России-РФ. Имея в виду императив разработки стратегии государства, с существенно изменившимся геополитическим, геоэкономическим и геокультурным содержанием.

Но вместе с тем – страны, чьи корни имеют тысячелетнюю историю.

Источником возможных стратегий видится концепт «Русского мира», переосмысленный применительно к ситуации XXI века в стране, регионе и на планете.

России критически важно отыскать способ единения собственных обширных пространств, гармонизировав их социальное и культурное разнообразие. Восстановив, в частности, внеэтническое содержание категории «русский», – либо утвердив в этом качестве неологизм «россиянин», т.е. интегрировав этнические группы и конфессиональные сообщества в целостность национального организма, политическую нацию. Как, собственно говоря, это происходило и происходит в таких странах как США и Китай, Индия или Франция.¹

¹ Согласно последнему опросу ВЦИОМ'а (проведен 5-6 июня 2010; пресс-выпуск №1522 от 23.06.2010) лишь 58% жителей страны характеризуют себя как «граждане России» (в 2008 г. – 70%). 30% определяют себя как «человек»; 19% определились по месту жительства; 18% предпочитают характеристику по этническому признаку; 17% идентифицируют себя с семьей; 15% считают себя «советскими людьми»; 6% идентифицируются посредством профессиональной принадлежности, столько же называют себя космополитами; самоидентифицируются по конфессиональному признаку – 5% и 2% – как «европейцы». (<http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13603.html>).

Однако в нынешнем изменчивом, непросто организованном мире этого недостаточно. Сегодня, поверх прежней административной карты складывается сложная топография геоэкономической практики, исторически сопряженных интегрций, пестрых политий, отражая новый статус политгеографии: *страны – это не территории, а люди*. Соответственно стратегическое мышление – мышление не территориями, а сообществами. И категориями.

Формирование трансграничных интегрций требует пересмотра догм и прежних подходов. России необходимо найти линию поведения в пульсирующем тексте дней: подвижном, неоднородном, комплексном. С синергичным прочтением ряда его аспектов: исторических и политических, психологических и языковых.

Иначе говоря, проблему Русского мира должно рассматривать как цивилизационную, социокультурную, с учетом конвергентно-дивергентной (глокальной) стилистики XXI века.

* * *

У России-РФ в настоящий момент нет национального смыслового каркаса – вместо него обществу предлагается шитое на конъюнктурную нить лоскутное одеяло мировоззренческой и социальной эклектики. Отсутствует долгосрочное проектирование исторической судьбы, что, конечно, не исключает масштабных интриг правящего слоя, в том числе сопряженных с обширным региональным контекстом. В итоге возникают сомнения в самой возможности проведения «национальной политики» как таковой...

Несмотря на драматизм состояния, у страны есть шанс удержаться в русле политического *mainstream'*а. Равно как явственна угроза завязнуть в социально-культурной автаркии, пережив при этом *de facto* слабо контролируруемую территориальную и клановую «конфедерализацию».

Момент, на первый взгляд, благоприятствует перевороту в обустройстве холмистого пейзажа Русского мира. Именно сегодня, так уж легли карты в глобальном казино, интересы основных игроков на планете дают определенную свободу маневра России.

Соединенные Штаты, занятые установлением контроля (управления) над ситуацией на Большом Ближнем Востоке и нуждаясь в поддержке, предоставляют Москве бо'льшую свободу действий на постсоветском пространстве. Причем, как в европейской, так и в азиатской частях.

Европа, испытав форсаж интеграционных механизмов, пережив объемную реконфигурацию, занята перевариванием собранного под эгидой ЕС интернационала: в чем-то схожих, но все же разнородных организмов. Она производит на свет новую историческую субъектность, однако ощутив колебания почвы, не склонна расширять реестр участников процесса.

События, произошедшие в центрально-азиатском и кавказском регионах, также указывают на возможность серьезных подвижек.

Повисающий, однако, в воздухе вопрос: о наличии российской национальной субъектности, воли к стратегическому действию. И о подлинной заинтересованности в конструировании сложного сообщества вместо декларирования и продуцирования сословной иерархии (e.g. «зона привилегированных интересов»). Речь идет о готовности (либо отсутствию таковой) к инвестициям в поиск перспективной и притягательной композиции. Равно как об ее умном, умелом воплощении.

Но какую историческую инициативу способна выдвинуть Россия? Какой дар может предложить она сегодня соседям, помимо энергоносителей, претендующий стать стимулом для

амбициозной реконструкции?² Послужить благородным идеалом, наполняя *стратегическим содержанием* отношения сопредельных стран и народов? Что за сумма интересов и ценностей увлекла бы их на путь сотворения конфигурации, сочетающей партнеров общей судьбой? Наверное, это самый трудный вопрос. Неразрешимый ли? Возможно.

Между тем сюжеты и сценарии, обнаруживаемые в анналах Русского мира, обладают отнюдь не короткой перспективой. К тому же при отстраивании соборной архитектуры может использоваться самый разный инструментарий: геополитический, геоэкономический, геокультурный. И, так сказать, «ретроспективно-дискурсивный», расширяющий пространство поиска, причем с асимметричным подходом к проблемам. То же относится к многомерности смысловых разрешений и варибельности формул реализации.

Будучи хотя бы отчасти реализована, инициатива сетевой геометрии Русского мира продвинула бы и Россию, и часть сопредельной субэкумены в ту область практики, где сегодня обустроиваются такие социокультурные комплексы и политэкономические гиганты, как США, ЕС, Китай.

* * *

Концепция Русского мира неоднородна и неоднозначна. В этом – ее достоинство.

У данного подхода несколько регистров: от сугубо языкового прочтения концепта до стратегии ***сложного взаимодействия исторически связанных с Россией стран, иных близлежащих государств и территорий, а также культурных сообществ и диаспоры.***

Эта полифоничная установка нуждается в проблематизации, критически завися от избранных акцентов, интеллектуального мастерства, методов продвижения идеалов в окружающий мир.

Другой императив стратегического действия: определение русской/российской идентичности, осмысление культурно-исторического кода, предъявление его стране и миру.

Следующая составляющая – программа обновления и развития, не ограниченная научно-техническим, промышленным содержанием, позиционируемым сегодня как очередная модернизация России (не слишком удачное, но прижившееся определение).³

Наконец, трансляция детонирующих импульсов, найденных решений, перспективных образцов в семантике, учитывающей культурно-историческую специфику общества.⁴

Подобный подход не содержит ничего необычного. Опыт модернизации показал, что, к примеру, органичная (гомогенная) западноевропейская модернизация – т.е. процесс формирования общества Модернити, модифицировано исполненный также на американском

² Счетная палата провела в 2010 г. сравнительный анализ динамики социально-экономического развития Российской Федерации в рамках СНГ и пришла к выводу, что Россия, сохраняя лидирующие позиции по большинству экономических показателей, тем не менее, уступает странам Содружества по средним социальным показателям: таким как продолжительность жизни, уровень дифференциации доходов. (<http://www.ach.gov.ru/ru/news/09112010-1/>).

³ Подробнее см. Александр Неклесса, Дан Медовников. «"Государство и модернизация" или "Общество инноваций"»? (http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/6553-gosudarstvo-i-modernizaciya-ili-obshhestvo-innovacij.html).

⁴ В частности, можно упомянуть опыт развернувшегося в Европе «переписывания истории» в формате учебников (как двусторонних, так в перспективе и общеевропейских).

континенте, существенно разнится от догоняющей, преимущественно технической, подчас симуляционной модернизации постколониального мира.⁵

Конечно, это предельные рамки феномена – его пограничье, лимитрофы. И модернизация Китая, Индии, Ирана, арабских княжеств Персидского залива, заявляющих о культурной автономии от западноевропейского генома (что, впрочем, не означает отрицание последнего, доказавшего эффективность феноменом глобализации), свидетельствует о возможности разночтений в траекториях развития. Все же оговоримся: используя и адаптируя не ими созданную технологическую и стратегическую новизну.

Та же проблема стоит перед вторым поколением центрально/восточно-европейских стран. И в еще большей степени – перед странами центрально-азиатского региона.

Наверное, стоит повторить: России, наряду с моральной реабилитацией, интеллектуальной / культурной реформацией, декриминализацией – а это, пожалуй, наиболее серьезная ее повестка, необходима сегодня исторически мотивированная концепция обновления и долгосрочная стратегия отношений с окружающим миром, учитывающая перемены в стране и на планете.

Причем – с использованием оригинального социокультурного кода, прочитанного на основе опознанной идентичности.

* * *

Итак, можно констатировать: речь идет о критическом моменте **выбора Россией судьбы** – ее пути в будущее, позитивность которого будет зависеть от следующих достижений:

- успеха в поиске – с привлечением культурно-исторического наследия – оригинальной и яркой мелодии в постсовременном концерте стран и народов;
- формулирования концепции полноценного обновления, эффективность которой была бы связана не только с активированным обстоятельством инстинктом выживания, но также с удержанием/воспроизводством элитой и обществом критической массы представлений об идеалах, чести, национальном достоинстве;
- разработки долгосрочного, реалистичного «большого проекта» трансформации внешней/внутренней политики применительно к новым условиям.

И умной прописи шагов-действий по воплощению национальной мечты.

I. РЕСПУБЛИКИ МНОГИХ НАРОДОВ

Великую цивилизацию нельзя завоевать извне,
если она не разрушит себя изнутри.

Уильям Дюран

В рассуждении будут присутствовать повторяющиеся тезы и вопросы, часть из которых, впрочем, носит вполне риторический характер.

⁵ Ср. ситуацию, к примеру, в ряде стран Африки, где при наличии элементов модернизированного фасада реальная ситуация во многом сохраняет черты трайбализма и автократии. Что наряду с отдельными фактами демодернизации способно порождать неоархаичные химеры либо прямо вести к социальному коллапсу и аномии. Яркими примерами могут служить судьбы Сомали, юга Судана, других территорий.

Что движет историю? Чем определяются судьбы народов? Как идеалы, утопии влияют на ритмы бытия, превратности земного быта? Каких пропорций может достигать воздействие эскиза будущего на настроения в обществе? Может ли духовная атмосфера концентрировать энергии, верша революционные перемены, изменяя среду, созидая нового человека?

Другими словами, способна ли творческая палитра эффективно прописывать и переписывать лик грядущего?

Речь идет о креативном потенциале исторического гения, проявляющемся в состязании историософских замыслов. И о его икономическом (сниходятельном) отражении в практике, порою, правда, деградирующем до самой что ни на есть карикатурной ипостаси: свободные умения – опасное и обоюдоострое оружие. Другими словами, идеалы совсем не просто отражаются в жизни, они – струны, служащие камертоном событий, провоцируя, продуцируя формы обустройства быта/бытия земными умельцами. Массы без них – просто мышечная ткань интеллектуальной страты.

Повторю то же самое, но иначе: мировую историю питают мировоззренческие концентраты, переплавляемые пассионариями в замыслы, маршруты миростроительства, поиски земных версий идеала – теней взыскуемого Града. Ну, а сумма знаний, видений, извлеченных из духовных путешествий и метафизических открытий, транслируется затем политическими текстами, претворяясь в действия и облекая плотью эскиз Невидимого Града (который в лоне практики может оказаться – и такое случается – зародышем Пандемониума).

...Придавая своеобразный культурный аромат эпохе.

* * *

В истории современности, т.е. сценографии *Modernity*, миростроительную роль сыграли многие идеологеммы: от «града на зеленом холме», «*liberté, égalité, fraternité*» до «коммунизма на горизонте». И сегодня для России актуален вопрос: какой окажется ее очередная мечта? Либо, используя конъюнктурный лексикон, – *аттрактор*, что смог бы не просто отреставрировать социальную склейку, но вскрыть горизонт, предъявив сотканный миражами ландшафт грядущего.

Другими словами, речь опять заходит об отыскании неуловимой национальной идеи.

Действительно, лозунги наподобие «великой энергетической державы» или «суверенной демократии» выглядят неутешительно. Они имели определенное значение, побуждая патриотические настроения, исполняя роль той самой «склейки». Но потускнели плакатные идеалы, особенно «великая энергетическая держава», обернувшаяся в ходе кризиса нелицеприятной стороной «сырьевого придатка». Ощутим пахнувший дымком ветер перемен: в различных сегментах общества витает мысль о пересдаче карт. Ставки делаются, будущее на кону, но характер игры, ее результат неясен даже для именитых игроков российского казино.

Есть у «игры» своя правда, но есть и оборотная сторона: радикальные изменения социосемантики, разрывы смысловой ткани чреватые серьезными рисками. А в случае ускорения процесса – хаотизацией, деструкцией, аномией. Сознание, не выносит пустоты, психеи нужны ориентиры: координаты транслируемого извне (*обеспечиваемого*) чувства безопасности. Неуютность побуждает индивида прерывать тотальность сна, ввергая в жар экзистенции и собственное в миру одиночество. Тут уж директорату национальной корпорации (российскому властному сословию) волей или неволей, но приходится заниматься поиском средств для утоления

этого специфического голода.⁶ Так что заинтересованность в обозначении национальной перспективы стимулируется самыми различными слоями общества.

Вглядываясь в день сегодняшний, задумываешься: какая же именно «программа построения будущего» – либо «нас возвышающий обман» – будет избрана для очередного провозглашения? И, в конечном счете, утвердится в стране.

Утопии обладают способностью освобождать душу от проблем и тягот повседневности.

* * *

Новое мироустройство зиждется не столько на административно-политическом огораживании – подверженном ныне миграционно-коммуникационной транспарентности, растворяющей национальную обособленность – сколько на ином основании: особом культурном фундаментализме. На гравитации, возрастающей либо слабеющей в конкуренции социокультурных вихрей и тектонике ломающихся стереотипов.

Дискуссии вокруг европейской конституции вращались в значительной мере вокруг приоритета античного либо христианского наследия западноевропейской цивилизации. Но в истоках Евросоюза помимо библейского, древнегреческого и римского идеалов просматриваются также контуры артурова «круглого стола», тень империи Карла, эскиз законодательной / политической перестройки континента Наполеоном. И все это совершается в круговороте нынешнего «переселения народов» – динамичной, разновекторной миграции.

Нечто схожее можно сказать о других влиятельных игроках драматичной вселенной.

К примеру, про «Объединенные Страны Америки», основания универсального мессианизма которых заложены еще в тексте Мейфлауэрского согласия (декларировавшего созидание «гражданского политического сообщества для установления более совершенного порядка») или в упомянутом образе «града на холме» Джона Уинтропа. И, конечно, в документах, провозгласивших антиколониальную войну и утвердивших независимость. Америка к тому же «на днях» расширила стилистику идеалов, руководствуясь *Zeitgeist'*ом мультикультурности и демонстрируя впечатляющие изменения в данном регистре практики.

Можно рассуждать о культурном патриотизме китайской диаспоры, о социальной трансформации континентального Китая, возносимого вихрем индустриального прорыва...

Тема культурного капитала России – вопрос исторического выживания, удержания свойств влиятельного партнера, держателя ключей оригинальности. В реестре нематериальных активов: Русская идея в самом широком прочтении, Евразийское ее толкование, форматы Русского/«Руського» мира, отблески «красной зари народов»... Что еще?

* * *

Идея реконструкции в духе времени пространств Восточной Европы, равно как просторов Центральной Азии, витает в воздухе. Но каким именно образом может быть осуществлена новая семантическая сборка: реформа рассеяния?

⁶ Большинство россиян (64%) порой испытывают чувство стыда за свою страну. Об этом свидетельствуют результаты всероссийского опроса, проведенного 4-5.09.2010 Фондом «Общественное мнение». По данным исследования, 39% заявили, что им бывает стыдно за Россию «часто», а 25% - «иногда».

Обновление достигается не столько отрицанием традиций, сколько осмыслением перспектив и, параллельно, – опознанием и реституцией культурно-исторических активов (забытый смысл категории «революция»). История есть социокультурный бюджет общества со своим дебетом и кредитом. Речь же идет о критическом платеже – предъявлении *urbi et orbi* наличия либо отсутствия воли утвердить собственную версию быта и бытия.

Интегральный импульс сохраняется в концептах «постсоветского», «посткоммунистического» мира. Ощутим он даже в... «бракоразводной формуле» не слишком внятной конструкции СНГ. Или ОДКБ, продекларировавшей принцип коллективной защиты, но во время кризиса в Киргизии (и Таджикистане) показавшей себя не слишком дееспособной. Тяга к системным конструктам проявилась в так и несостоявшейся союзной государственности России с Белоруссией, в проектировании ЕврАзЭС и в попытках отстроить «триединое» таможенное или экономическое пространство.

Параллельно токи интеграции по-иному, однако не менее выразительно, проявляются в периодически возникающих (и возникавших – даже до формального распада СССР) моделях реконструкции ареала. Но уже по принципу *исключения России*.

К примеру, в композициях балтийско-черноморской дуги, где именно таким образом формулировались и формировались геополитически и геоэкономически мотивированные сообщества. Скажем, менявшее состав, но сохранившееся объединение ГУАМ. Или появившееся незадолго до кризиса европейской и мировой экономики, отодвинутое обстоятельствами, однако способное явить «второе дыхание» Восточное (восточноевропейское) партнерство.⁷

В общем, тяга к реконструкции восточноевропейского, равно как постсоветского, постсоциалистического массива – *исторический* императив, который тем или иным *политическим* образом будет реализован в формате *цивилизационной* логики.

Тем или иным геополитическим и одновременно – высокотехнологичным образом.

Так что разговор косвенно идет о новом поколении высоких социальных/гуманитарных технологий (*hi-hume*). О постсовременной упаковке знания. О поисках методологии познания и действия в ситуации исторической неопределенности.

* * *

И об основаниях.

Если говорить коротко, но отчасти повторяя сказанное, логику борьбы России за будущее можно определить следующим образом: Русский мир – историческая и цивилизационная платформа, на которой может быть выстроен комплекс, сопоставимый, по крайней мере, теоретически, с такими гигантами, как США, ЕС или Китай.

У подобной логики несколько форматов, реализация которых находится в прямой зависимости от интеллектуального и политического мастерства элиты, а также пассионарности народов.

Кроме того процесс геокультурного конструирования сам по себе способен придать импульс обновлению за счет прояснения исторического сознания, осмысления его истоков. Но главное, за

⁷ Подробнее см. Александр Неклесса. Другая Европа. Линии размежевания и интеграции в третьем тысячелетии: старые и новые. – Независимая газета. 2009-04-10. (http://www.ng.ru/ideas/2009-04-10/8_europe.html).

счет переноса акцента деятельности в грядущее, т.е. своеобразного списания исторических долгов и опознания упущенных активов судьбы.

Речь, повторю, идет о критическом моменте выбора Россией – и шире, Русским миром – места в новом веке, актуального представления соответствующей идеальной модели, стратегии либо общекультурного проекта.

А также развернутого алгоритма действий, т.е. росписи конкретных, последовательных шагов по реализации замысла.

ЭНЕРГИЯ КУЛЬТУРЫ

Действовать – это значит решаться
думать иначе, нежели думал прежде
Мишель Фуко

Участь сражения решается одною минутой,
одной мыслью – нравственною искрой
Наполеон

Власть не может удерживаться лишь силой, по крайней мере, в нынешнем мире.

И даже эффективная власть реализует скорее контроль, нежели управление. Но в изменчивом и многофакторном мире технологии управления заметно усложняются. К тому же для успешного управления необходима комплексная, динамичная инфраструктура.

Для создания «хорошо темперированной» социальной гравитации нужно производить идеи, постулаты, перекаривать картографию прошлого и будущего, формулировать правовые нормы. Причем, таким образом, чтобы они воспринимались как естественные производные господствующих культурных кодов. Или не слишком им противоречили.

Обществу, так и власти требуется полновесный, подлинный нематериальный капитал. Иначе социокультурное притяжение иных планет, поглотит прямой и латентной эмиграцией наиболее живые, деятельные сегменты, лишённые комплекса самоубийцы. Увеличивая на обезлюдевшем «обитаемом острове» долю неоархаизированных люмпенов независимо от их силового или финансового статуса.

Вне зависимости от успеха или неудачи в реализации амбициозной стратегии – строительстве интегральной конструкции – обретение и наращивание «культурных активов» в нынешних обстоятельствах *важно само по себе*, а не только как эффективный инструментарий. Культурный капитал в стремительном веке становится базовым стратегическим ресурсом общества. Следствие же его дефицита – социальная катастрофа.

Однако проблема может быть конъюнктурно переформулирована, а ответы на вызовы – упрощены. Что за «прелестная утопия» получает в таком случае шанс пленить населяющие страну народы? Насколько эффективным окажется «постиндустриальное изделие»? Будет ли оно долговечным? Либо мы узрим очередное издание эклектичных лозунгов, лицемерных и пафосных плакатов, прочих демагогических симулякров, что в какой-то момент сделает неизбежным форсаж центробежной энергетики со всеми вытекающими следствиями.

Или же все-таки случится иное.

* * *

Иное *per se* не является непосредственным объектом рассуждения, поэтому сюда мы заглядываем «одним глазком».

В сложном мире интеллектуализм отодвигает на обочину механицизм прежнего аппарата управления. Который не в состоянии справиться даже не с перманентно возрастающей нагрузкой, но с принципиальным изменением характера деятельности, трансгрессией бытия, императивом выстраивания/поддержания непростых отношений с многомерным социумом, удержанием позитивного баланса в глокализованном и диверсифицированном мире. И с приходом иного.

Плоть интеллектуализма – не государственные институты, но другая ипостась страны: сложноорганизованные личности и комплексное общество. Деловое и гражданское, национальное и трансграничное, моральное и креативное, хранящее клише культуры, обновляющее формы практики и солидарности. Перманентная революция – органичная стихия данной субстанции.

Интеллектуализм заметно более гибок, протееобразен, он органичнее подвижному вселенскому строю, нежели ригидный бюрократический аппарат, обретающий привкус второсортности, постоянно фрустрируемый и находящий «выход» в повышении градиента жесткости, демонстрации силы. Но порою ощущающий себя на грани институциональной бездны.⁸

Реализовать гармонию нового строя административный механизм позднего индустриализма не в состоянии. Тем более эффективно управлять ею. Гибкость отчасти замещается и подменяется особой неформальной системой отношений: «цивилизованной коррупцией», т.е. своеобразным паллиативом возможностей интеллектуализма, их симуляцией. Это, однако же, временная лазейка, причем достаточно примитивного толка.

Но и капитализированный усложнением личности, форм деятельности, самой топологией возникающего миропорядка интеллектуализм имеет собственные границы власти.

Рубежи очерчены конструктивным характером когнитивности, ее органичной склонностью к миростроительству, растворенной в наличествующей либо отстраиваемой культуре. Противостоит же данной силе – предельно иной контркультурный тип, обитающий по ту сторону катафатического прочтения истины: произвольный, а порою прямо деструктивный подход к бытию. Элементы радикального преобразования эйдоса – негативная диалектика, антитезис как экспонента, деконструкция как абсолют – все они таят в нетях собственную развилку истории.⁹

Обитатели невидимой стороны экзистенции, обладатели «темной энергии», лишены интеллектуального снобизма, живя вне кокона политкорректности. Их моделирование пандеи воплощено в эксперименте – прямом действии, т.е. предъявлении городу и миру не столько опыта рефлексии, сколько самого лишенного сантиментов действия.

При этом прежние параметры восприятия могут оказаться слишком узкими.

⁸ Подробнее см. Александр Неклесса. Трансфинитная экономика. // Экономические стратегии. – М., 2010, №3. – С.18-24. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/4306-transfinitnaya-yekonomika.html).

⁹ Подробнее см. Александр Неклесса. Цивилизация смерти // Эсхатологический сборник / отв. ред. Д.А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. – СПб: Алетейа, 2006. – С.531-549. (<http://www.intelros.ru/2007/02/28/aleksandr-neklessa-civilizacija-smerti.html>).

* * *

Другими словами, в стратегическом отношении главный оппонент сложного и сверхсложного социокосмоса – не национальное государство.

Оно уже не левиафан в прежнем облики; облаченный в жесткую, чешуйчатую шкуру сей подвид зверя если не издыхает, то страдает ожирением, мучаясь отдышкой. Этатизм пережил взлет и падение в XX веке, достигнув апогея в феномене корпоративистского строя: различных типов номенклатурной (административно-партийной) механики профессиональных управленцев, этих инженеров национального общежития.¹⁰ Однако его, то ли предсмертные, то ли предродовые судороги принадлежат уже иной культуре.¹¹

Реальная контрсила и оппонент интеллектуализма – обездоленная, т.е. лишенная родства с прежним текстом, либо прямо взорванная, структурность. Источник деструктивных энергий в отрицании пестуемого на протяжении тысячелетий социального конструктивизма. Эта контрсила – освобожденная, самоценная, энергичная аномия, тотально заминированное фазовое пространство, рождающее вихри динамического хаоса: максимально подвижные, случается судорожные, порою умирямые, но от этого не становящиеся эфемерными смерчи бытия.

Столкновение сил в критическом регистре практики, стремясь побороть, окоротить оппонента, провоцирует радикальность и продуцирует креативность. Проведя сквозь огненный рубеж рожденных в браке земли и неба титанов, помещает их на плацдарм, где совершается деконструкция истории.

Утверждая строй, кардинально меняющий правила Большой игры на планете.

* * *

Будущее оказалось под сомнением.

Какие же образы конкурируют в сознании и подсознании общества, заполняя образовавшийся под нарастающий гул мата и визг бесовства вакуум? Возможно ли смутные картины «*настающего настоящего*» декодировать, формализовать, а если да, что запечатлено на извлеченном из глубин психеи эскизе Русского Дома?

В истории России легко обнаруживаются два мировоззренческих, социопсихологических локуса. Заметно различаясь по тональности, они, однако, чахнут в отсутствии оппонента. С некоторой долей условности их можно определить как «западничество» и «славянофильство», но претерпевшие апргрейд, трансформировавшиеся, либо пытающиеся трансформироваться применительно к эпохе. Привнося при этом в общество свойственные им дух, атмосферу, идеалы.

С некоторых пор к списку присоединены и «евразийцы», и сторонники «красного проекта». Естественно, аранжированные духом временем, прагматично упакованные в манифесты, прогнозы, планы. К тому же в постсовременном мире размежевание на «либералов-консерваторов», «левых-правых» сродни выкладыванию мозаики из лишенных прежнего веса смыслов.

¹⁰ Подробнее см. Александр Неклесса. Новый амбициозный класс. Кто осуществит новую сборку мира? // Политический класс. – М., 2007, №9. – С.32-46. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/1423-aleksandr-neklessa-novyj-ambicioznyj-plan-cto-osushhestvit-novuju-sborku-mira.html).

¹¹ Подробнее см. Александр Неклесса. Новый амбициозный план. Проекция и чертежи новой сборки мира. // Политический класс. – М., 2008, №1. – С.90-108. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/1748-aleksandr-neklessa.-metamorfozy.html).

История, однако же, не есть исключительно искусство чтения прошлого, его монотонная каталогизация – лишь дисциплинарная провинция. Живое тело истории: целеустремленное обновление привычных обстоятельств, их трансценденция, совершаемая каждодневно, здесь и сейчас. Другими словами, продвижение в будущее ради творения настоящего это и есть суть истории, ее добродетель

Преимущество в декларировании официальной перспективы – по степени публичности, внятной вербализации (что, однако, не означает *практическую реалистичность* и *общественное признание*) – получил «план модернизации страны», фокусом которого является проект Иннограда в Сколково.

Другое, а именно связанное с национальной традицией направление пока не столь внятно. В нем смешаны, частично совмещены концепты, сопряженные с державными, общественными, конфессиональными доминантами. Прочитаны они, правда, довольно несхожим образом: в диапазоне от советско-технократического идеала до державно-националистического и церковно-монархического. Все же и здесь можно выделить некоторое число ключевых проектов, позволяющих ощутить специфические вибрации и опознать семантический интеграл «особых территориальных образований» как признанной на данный момент модели реконструкции.

Это, к примеру, план комплексного обустройства Соловков, возможно, Валаама. Продвижение в списке реформируемых наукоградов многогранного Сарова, иных интеллектуальных поселений. Проект Национального центра развития (НЦР или ВВЦ-2), в том числе как творчески-рекреационного центра – *столицы* нового поколения.¹² Наконец, возведение православного собора и российского культурного комплекса в сердце Парижа, что переводит рассуждение в контекст темы Русского мира.¹³

Композиции социогенов пестры, подчас конъюнктурны. Их соцветия эклектичны, калейдоскопичны. Конечно, перечисление – лапидарная аранжировка темы: знаковых событий в обозначенных регистрах заметно больше. Но при всем несовершенстве дескрипта именно в данной области практики ощутима сегодня пульсация инициативы.¹⁴

* * *

У проблемы имеется еще одно измерение.

Проекты планируются и осуществляются – если осуществляются – в мире, переживающем социокультурную реформацию. А посему все чаще приходится размышлять о комплексном подходе, который учитывал бы не только сложившуюся *актуальность*, но также *историю* (ретроспективу), свою либо общую и *перспективу*, что вновь подводит нас к теме Русского мира.

¹² Россия XXI век. Проект «Время-Вперед-Центр». Создание эталонного пространства будущего. (http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/4890-rossiya-xxi-vek-proekt-vremya-vpered-centr-sozdanie-yetalonnogo-prostranstva-budushhego.html).

¹³ Приобретенный участок площадью 4245 кв. м. расположен в 7-ом парижском округе на набережной Бранли рядом с Домом инвалидов, т.е. в одном из наиболее престижных кварталов. На участке будет располагаться Российский духовный и культурный центр, включающий собор, помещения епархии, аудитории и общежитие семинаристов, многопрофильные залы, библиотеку. Планируется также разбить сад. Центр создается как место проведения мероприятий русской общины, кормления верующих, ознакомления парижан с духовной культурой России.

¹⁴ Подробнее см. Александр Неклесса. Борьба за будущее. Модернизация и инновации в постсовременном мире // Россия: третье тысячелетие. Вестник актуальных прогнозов. – М., №23, 2010. (http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/6804-borba-za-budushhee.html#ftn1).

Нужна содержательная полемика о предельных основаниях и дальних горизонтах темы, поскольку речь идет о попытке определить исторический замысел, создать дорожную карту, на которой должно учесть проблемные ситуации. То есть в «кипящем и яростном мире» необходимо отыскать для страны путь с внятной и желательной позитивной перспективой. Это в идеале.

Задача серьезно осложняется дефицитом национального субъекта, способного к амбициозному действию. И отсутствием внятной ретроспективы. Тут я вновь возвращаюсь к проблеме трактовки Русского мира как «республики многих народов» – альтернативе транзитному СНГ, Восточному партнерству либо полузабытому ГУАМ'у.

Следует также учитывать новую дифференциацию глобального сообщества, новации мировой и европейской сборки: появление «глобальной державы», «мировых регулирующих органов», «государств-корпораций», «геоэкономических ареалов», «субсидиарных субъектов», «несостоявшихся государств», «непризнанных суверенов». И что ближе к теме – «стран-систем».

15

ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ?

О, светло светлая и украсно украшена земля Руськая.
И многими красотами удивлена еси.
«Слово о погибели Руськой земли» 1240

От края до края своих равнин, от берега до берега морей,
Россия внемлет всемогущему голосу Бога, который обращается
к человеку, возгордившемуся великолепием жалких своих городов...
Удивительно, как мощно одарены нации от природы: на протяжении
более чем столетия благовоспитанные русские — знать, ученые,
власти предрержащие, только тем и занимались, что кланчили идеи и
искали образцы для подражания во всех обществах Европы.
И что же? Смешная фантазия государей и придворных не
помешала русскому народу остаться самобытным.
Астольф де Кюстин

Право на достойное будущее страны обеспечивается далеко не только конкурентоспособностью экономики или боеспособностью вооруженных сил.

Скорее эти качества – производное от социального и культурного статуса общества, калибра правящего класса, интеллектуального и властного мастерства. Ибо продукция, создаваемая правителями, если можно так выразиться, постиндустриального свойства: она нематериальный, творческий ген, публичное достояние, вокруг которого выстраивается социальный организм с присущими ему достоинствами и недостатками. Но здесь также существует свой *haute couture, prêt-à-porter* и, к сожалению, дилетантство и профанация.

Другой фермент, определяющий положение страны в мировом сообществе – энтузиазм и самоощущение народа, сопряжение чувства исторической идентичности с токами новизны.

¹⁵ Подробнее см. Александр Неклесса. Государство и корпорация. Облик меняющегося мира в XXI веке определяют новые формы социальной организации. – Независимая газета. 2007-06-15. (http://www.ng.ru/ideas/2007-06-15/11_corporation.html).

Культурный, интеллектуальный статус нации, ее миростроительный горизонт, способность к трансценденции обстоятельств и преодолению неурядиц – долг и добродетель не только правителей, но и граждан. Качество элиты, в конечном счете, производное от самоосознания и активности народа: это проецируемый в окружающий мир и в будущее образ страны.

На каком языке говорит сегодня Россия, о чем ее речи, кто прислушивается к ним на планете?

Мысль, творчество, душевное усилие – энергии, сопричастные горним мирам, но и земной практике. Люди не механизмы, их судьба не фатальна; история – просторная дорога, уходящая вдаль по ту сторону распахнутой двери, но одновременно это метафизический процесс, питаемый токами *настоящего*, культурным наследием и мечтой о грядущих свершениях.

* * *

Будущее определяется не только прошлым, однако и прошлое странным образом зависит от будущего.

Национальные проблемы в разные времена решались различными способами. Выбор инструментария эффективного для транзитных эпох – искусство особого рода, которое включает предвидение и освоение перемен, интеллектуальную мобилизацию, моральную реформацию. А также удержание в узде – на весах справедливости и правопорядка – рвущиеся на волю инстинкты несовершенного естества.

Иначе говоря, ограждение от зла и деградации имеет источник не только в инерции цивилизации, но и в живой ткани общества, а главное – внутри персоны. Поэтому сила плодотворного порыва, верного действия, высоты духа, но также управленческого таланта, полноценного законотворческого действия (и, что немаловажно, его исполнения), наконец, просто умного слова – равно как живой мысли, распознающей обстоятельства времени, – из числа могучих средств трансформации страны и возрождения народа.

* * *

Россия в настоящий момент экономически используется окружающим миром, но культурно им отторгается.

Предъявление, прежде себе самой, но также *urbi et orbi* современного прочтения *загадочной русской души*, ее ценностей, идеалов, мироположения, культурного круга – задача со всей очевидностью востребованная временем. То есть актуальная, если не сказать больше. Однако интеллектуальная и смысловая растерянность российского общества весьма велика.

Нарастающее беспокойство вызывает социокультурная ситуация в стране. Противостоять деградации душ и неорархизации российских пространств может и должна национальная реформация: обновление политической практики и политологической рефлексии; прочерчивание вектора, сформулированного образованной частью общества и поддержанного народом. А также смена устаревшего, не соответствующего эпохе и ее реалиям языка, артикуляция политической философии, национального проекта как доктрины действий, учитывающих драматичные перемены на планете. И по мере сил и возможностей завоевание интеллектуального, нравственного авторитета в мире. Все это – несомненные приоритеты.

Речь, в сущности, идет о социальной и культурной революции, ее сопряжении со стремительным изменением глобального ландшафта, о растущих ставках/уровнях риска, о

методологии познания и действия применительно к складывающейся ситуации неопределенности. Как минимум – о необходимости интенсивного, не поверхностного, не демагогического, но содержательного и глубокого разговора на данные, не слишком удобные темы.

Нужда во всем этом слишком давно назрела.

* * *

Утрата смыслового вектора предопределяет поиск идентичности и формулы государственности.

Что есть Россия? Действительно, сложный вопрос, на который вряд ли есть однозначный ответ. Исторический опыт свидетельствует о различных ипостасях и версиях Руси, России, о сосуществовании разных *русских стран*. Причем не только в диахронном русле, считая от мозаики Киевской Руси, региона Ордынского улуса, *Тартарии* на европейских картах даже сравнительно позднего времени, Московского царства, Российской империи до России-СССР и России-РФ. Но также в географическо-пространственном прочтении темы: северо-восточной Московии, обширной северо-западной территории Новгородской и Псковской республик, юго-западнорусского государства – Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского¹⁶, а впоследствии Малой, Червонной и Белой Руси. Не говоря о легендарной юго-восточной Тмутарокани, других восточных землях и азиатских подданствах.

А вглядываясь вглубь веков, можно припомнить и воспроизвести отрывочные, смутные сведения о Порусье и Борусии, Рустингене и баснословном острове Буяне/Руяне, о море Руссов и Росском каганате (*Рѡс, Rhos, Rus, Rus', Rusj, Rusy, Ruth, или восточные: ar-Rus – «ар-Русийя», Рохс*)...

И, наконец, вспомнить о различных казацких – реестровых, войсковых («полковых»), січевых, кошевых, краинных, литовых-береговых – множествах и политиях.

Если человеческая память избирательна, то память политическая избирательна вдвойне и втройне. Кажется, наиболее уязвимой тут оказалась в чем-то подзабытая, отчасти искаженная история *Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского*: во многом альтернативного Московии русского государства и поныне влияющего на судьбы своих геополитических потомков...

* * *

Кстати, кое-что из этого наследия и обширного политического хозяйства сохранялось в титуловании российского государя.

Во времена ордынского нашествия и некоторое время спустя именование «Русь» удерживается за юго-западными землями, связанными с Великим княжеством Литовским и Русским. Правитель же, объединявший шаг за шагом северо-восточные земли, именуется «великим князем Московским».

Но «в 1493 г. Литва и Москва начали переговоры по поводу заключения договора, который должен был положить конец невыносимой ситуации необъявленной пограничной войны. Чтобы обеспечить лучшие взаимоотношения с Москвой, литовцы предложили соединить браком дочь Ивана III Елену с великим князем Александром Литовским. На этих переговорах Иван III впервые в отношениях с зарубежным государством назвал себя "Государем Всея Руси". Однако формулировка "Всея Руси" не являлась изобретением Ивана III. Его предок Иван I Калита (великий князь владимирский, 1328-37, 1339-40 гг.) включил ее в свою титулатуру, следуя образцу

¹⁶ Официальным языком Великого княжества был старорусский язык (близкий к нынешнему белорусскому). Правовая система зафиксирована в Литовских статутах, основанных на «Русской Правде».

титолов русских митрополитов. Позднее формула несколько раз появлялась в титуле московских великих князей в межкняжеских договорах, как, например, в договоре великого князя Симеона с его братьями (приблизительно в 1350 г.); в договоре Василия II с его братом Юрием (приблизительно в 1390 г.); в нескольких договорах Ивана III с удельными князьями (в 1483-86 гг.). Но в 1493 г. Иван III впервые включил выражение "Всея Руси" в свой титул на переговорах с иностранным государством, и, что особенно важно, на переговорах со страной, относительно которой оно звучало как вызов, поскольку правитель этой страны сам имел слово "Русь" в своем титуле (Великий Князь Литовский и Русский)¹⁷.

Титул Ивана Грозного писался уже следующим образом: «Божиею милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и иных, и всея Сибирския земли и Северныя страны Повелитель, и Государь земли Вифлянской и иных».

Россия же появляется впервые в титуловании Дмитрия, правда, если вчитаться, в не вполне привычной стилистике и атрибуции: «Мы, пресветлейший и непобедимейший Монарх Дмитрий Иванович, Божиею милостию, Цесарь и Великий Князь всея России и всех Татарских царств и иных многих Московской монархии покоренных областей Государь и Царь».

Наконец, титул Алексея Михайловича звучал так: «Божиею милостию, Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подольский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич, и наследник, и Государь, и Обладатель».

А в полном титуле российских императоров¹⁸ содержится 53 члена.

Вспомним также титулование Патриарха Никона как «Божиею милостию Великий Господин и Государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа Великия и Малыя и Белья Росии и всеа Северныя страны и Помориа и многих государств Патриарх».

* * *

Переливающиеся соцветия русской радуги дают возможность опрокинуть в будущее осмысление истории, представить псевдоморфозы полифоничного Русского мира, увидеть скрытые ходы и горизонты сослагательного наклонения истории. Впитав заодно опыт судьбоносных и роковых ее развилок, проявлявшихся, к примеру, – порой в стилистике политического парадокса – в династических (марьяжных) конструкциях.

¹⁷ Г.В. Вернадский. Россия в средние века. – М., 1997 (1958).

¹⁸ Что отчасти напоминает процесс становления именованная Священной Римской империи (*Sacrum Romanum Imperium*) в 962 г.

Справка: Это браки, в которых наследовались княжеские и королевские короны, формировались личные и государственные унии. Так было, когда венчались дочь Миндовга, великого князя Литовско-Русского, и сын Даниила Галицкого – Шварн, в результате чего последний на некоторое время стал Великим князем. Или можно припомнить несостоявшийся семейный союз Великого князя Ягайло и дочери Дмитрия Донского. Ягайло выбрал тогда другой путь: женился на Ядвиге, дочери Людвиг Великого (Лайоша I), короля Венгрии и Польши из Анжуйской династии, и, приняв имя Владислава, стал королём Польши. Был и «компенсирующий» союз, когда его двоюродный брат Витаут Великий отдал дочь замуж за сына Дмитрия (Василия I). Эти браки обусловили появление и служили гарантией двух ключевых международных договоров Восточной Европы того времени: Кревской унии Литвы и Польши и Островского соглашения Литвы и России.

Можно вспомнить примечательную, нередко превратно толкуемую историю Смуты начала XVII века – с интригой совместного венчания на московский престол Дмитрия и Марии. А также избрание царем сына короля Речи Посполитой Сигизмунда III – Владислава Вазы (который, в конечном счете, стал польским королём Владиславом IV), что, однако, противоречило интересам Англии, поскольку закладывало основу континентальной супердержавы с обширным присутствием на континенте. И возможностью контроля над слишком многими торговыми путями. В результате страна стала полигоном столкновений наемников, различным образом ориентированных «геополитических» партий.

Справка: Торговые отношения с Англией развиваются со второй половины XVI века, после квази-посольства Ченслера (пытавшегося в 1554 г. через Северный морской путь найти дорогу в Индию, но попавшего в устье Северной Двины), когда английские купцы получают право на ведение беспошлинной торговли (в преддверии Ливонской войны и в качестве амортизатора попыткам морской блокады Москвы). В Лондоне образуется Англо-Московская компания (первая подобного рода, опережая почти на полвека Ост-Индскую). В Архангельск в шестидесятые годы приходит ежегодно по 10-14 кораблей. Некоторое время торговля поддерживается также через Нарву. Из Англии идет снабжение оружием и металлом для ливонской войны, военными специалистами, мастерами корабельных и иных дел. В свою очередь Англии были предоставлены беспрецедентные по тем временам права на беспошлинный провоз товаров на Кавказ, в Центральную Азию, Персию, Индию и Китай, а также возможность создания собственных промышленных предприятий, чеканки монеты, пользования ямскими лошадьми и вообще – свободный транзит в другие страны. Тесные связи доходили до матримональных намерений царя к «деве-королеве» и планах на случай вынужденной эмиграции. Иван IV пытался вести переговоры об антипольском союзе Москвы с Англией, обещавшей предоставление ему политического убежища при неблагоприятном развитии событий в России. Иван посылал также сватов к племяннице Елизаветы Мэри Гастингс (посольство во главе с Ф.А. Писемским), но, несмотря на успешное развитие сюжета, вскоре скончался. После чреды недолгих царствований Федора, Бориса, Федора, Дмитрия и Василия по договору 4 февраля 1610 года (заключен под Смоленском между Сигизмундом III и московским посольством) Владислав Ваза (14 лет) должен был после принятия православия занять Московский престол. По низложению Василия Шуйского московское правительство (Семибоярщина) признало Владислава царём, чеканило от имени «Владислава Жигимонтовича» монету, а 27 августа (6 сентября) 1610 года ему как Московскому царю московское правительство и народ заочно принесли присягу. Однако подобное изменение геополитической конфигурации Восточной Европы ставило значительные привилегии Англии под

удар. Англия поддержала антилитвинскую группировку, что позволило нанять князей и вооружить земство, включая формирование ополчения на своей главной торговой артерии (Серебряном пути)... Владислав IV владел титулом Великого князя московского до 1634 года.¹⁹

Поиск ответа на вопрос о культурно-исторической сущности российского организма, обретавшего собственное миропонимание, формулу миростроительства и колоссальную непростую для освоения территорию, отчасти напоминает юридическое расследование, при котором фиксируются не только внешние обстоятельства, но также внутренние мотивации поступков.

И в ходе этого социально-исторического процесса, в присутствии своего рода присяжных заседателей (народа), порою можно надеяться прозреть подлинную суть событий.

РУССКИЕ СТРАНЫ

За трапезой земной печально место ваше!
Вас горько обошли пирующею чашей.
На жертвы, на борьбу судьбы вас обрекли:
В пустыне снеговой вы – схимники Земли.

.....
Бог помощь! Свят ваш труд, на вечный бой похожий...

Петр Вяземский

Жизнь есть подвиг...
Никита Гиляров-Платонов

Когда-то о «русских странах» писали еще в средневековой Европе. Правда, имелись в виду, скорее всего княжества, торговые «города-республики» и т.п.

Так, в послании папы Гонория III (февраль 1227 г.), адресованного «ко всем правителям Руси (Руссии)» (*Universis regibus Russiae*), предлагается «русским царям» сохранять прочный мир с католиками Ливонии и Эстляндии. А в 1246 году папа дает право архиепископу Пруссии, Ливонии и Эстляндии поставлять епископов в «русских странах».

Но вот цитата из Никоновской летописи, относящаяся к иным временам (1530 г.): «да не погибнут без пастыря не точию едины Русские страны, но и вси православнии». А Румянцевский летописец в следующем, XVII веке пишет «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии»: «И

¹⁹ XVII век – время эскизов славяно-русского объединения (ср. более поздний генезис единого Германского государства) с возможным участием различных стран и народов. В числе ресурсов композиции была ситуация с престолонаследием и титульными претензиями династии Ваза – ср. Ян Казимир, милостью Божьей король Польши, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Самогитский, Ливонский, Смоленский, Северский, Черниговский, а также наследный король Шведов, Готов, Вендов. Помимо возможного воцарения Владислава «пунктир» дизайна просматривался в размышлениях части партии второго ополчения о приглашении на русский престол Карла-Филиппа (также Ваза), позже в проекте Речи Посполитой о наследовании Алексеем Михайловичем королевского престола (после Яна II Казимира), в феномене Хмельницкого и появлении Гетманщины. Республика Трех Народов плюс Московское Царство – весьма выразительный геополитический пейзаж. Уместность подобной реконструкции ретроспективно была подтверждена трагизмом исторической судьбы потенциальных участников: раздорами и восстаниями, «потопом» и «раиной», польско-шведско-российскими войнами, перманентными переделами политической географии региона. И еще – «социальной ориентализацией» России, как в том, так и в последующем веке.

*реки многие истекоша, одни поидоша в Русские страны, другие – в Сибирскую землю. В реках же камене великое зело, реки же прекрасны, в них же воды сладкие, и рыб различных множество, и луги многие, и места скотопитательные, пространны зело».*²⁰

Историк и писатель Карамзин в начале уже XIX века по-своему аранжирует мелодику *русских стран*, подтверждая, однако же, присутствие темы в общественном сознании: «*Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо, когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густозеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом».*

В дискуссиях постсоветского времени происходит постепенная реабилитации исторической памяти. Приоткрывается забытое/закрытое равно в СССР и Российской империи летописание о множественности родоначальников и наследников «всея Руси».²¹

* * *

Речь идет о многоцветном спектре «русской радуги»: о Рутении (*Ruthenia*), Рустении, Тмутаракани и Белой Веже, о Руси Малой, Великой²² и Червоной (*Russia Rubra* – «Червона Рута»), о пространствах Семигалии и Краины, о Галиции²³, Закарпатье/Подкарпатской Руси, Буковине и Волыни, о Подолье, Полесье, Холмщине, о Гетманщине²⁴ и Слобожанщине, Сечи и Коше, о Руси Белой и Черной, Нижней и Поморской, Северо-Западной – Псковской и Новгородской.

²⁰ Ср. кондак апостолу Андрею: «*Первозванного апостола Христова, Евангелия святого проповедника, Русския страны богодухновенного просветителя Андрея преславного, песньми восхвалим, стояще на версе холма, идеже Крест водрузи десница его, и ему, яко Церкви возследователю верховному, в след себе указавшему ей путь ко Христу, во умилении воззовем: Радуйся, Андрее, апостоле Христов Первозванный».*

²¹ См. также: А.И. Неклесса, А.Н. Окара, М.В. Боргулев. Русские страны: цивилизационные альтернативы. (<http://www.intelros.ru/subject/belorus/3360-russkie-strany-civilizacionnye.html>).

²² Названия Малая Русь и Великая Русь ведут свою родословную от византийских категорий *Μικρά Ρωσία* и *Μακρά Ρωσία*, которые использовались в церковно-административной практике, начиная с XIV века. По аналогии с терминами «Малая Греция» и «Великая Греция» ромеи-византийцы под «Малой Ро'ссией» понимали метрополию, т.е. центр Руси (Южную Русь, современную Украину), а под «Великой Ро'ссией» — русские земли в широком смысле. Иначе говоря, территорию епархий, «окормляемых», находящихся под властью киевского митрополита. Схожие по смыслу выражения можно обнаружить и в других языках и культурах: ср. «Срединный Китай» и «Большой Китай».

²³ В 1254 г. Даниил Галицкий принял от папы римского Иннокентия IV титул «*короля Руси*», основав галицкий королевский дом. Его потомки, галицко-волынские правители в XIII-XIV вв. именовались «*Rex Russiæ*», «*Dux et Dominus Russiæ*», «*Dux totius terræ Russiæ*», «*Dux totius Rusiæ Minoris*» «*Dei gratia natus dux minoris Russiae*» «*Dux totius terrae Russiae, Galiciae et Lodomeriae*» (т.е. «*король/князь всея Руси/Малыя Руси/земли Галицкой и Володимирской*»). Вот запись из Галицко-Волынской летописи: «*В лѣто 6709 начало княжения великаго князя Романа, како державега бывша всей Руской земли князя галичкого. По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго **самодержца всея Руси** <...>».* Спустя время, после раздела княжества между Литвой (Волынское воеводство) и Польшей (Русское воеводство) титул князей Галиции и Владимирии закрепляется за польско-венгерской Анжуйской династией. Русское воеводство было ликвидировано в 1772 г. после присоединения польской Галиции к Габсбургской империи (Королевство Галиции и Лодомерии). Насельники Галиции, Буковины, Закарпатья: русские/рутены/русины/русняки, лемки, бойки, гуцулы, украинцы.

²⁴ В 1654 г. Переяславская Рада просит о принятии Войска Запорожского под протекторат русского царя. В 1658 г. между Войском Запорожским и Речью Посполитой был подписан Гадячский договор. Согласно ему учреждалось Великое княжество Русское (в составе Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств),

Территория Господина Великого Новгорода занимала обширную часть северо-западной Руси и с течением времени распространилась до Белого моря и далее на восток за Уральский хребет. Делилась на «пятины»: *Вотскую* (около Ладожского озера), *Обонежскую* (до Белого моря), *Бежецкую* (до Мсты), *Деревскую* (до Ловати), *Шелонскую* (от Ловати до Луги). И новгородские волости: *Заволочье* (по Северной Двине от Онеги до Мезени), *Перь* (по Вычегде и верхней Каме), *Печору* (по Печоре до Уральского хребта) и *Югру* (за Уральским хребтом). Центром специфической государственности были окрестности озер Ильмена и Ладожского.

Что же касается Поморья, то, как писал Татищев: «*Общее имя Поморие, а по уездам: Архангельской, Колмоград, Вага, Тотьма, Вологда, Каргополь, Чаронда и Олонец... Есть северная часть России, в которой все по берегу Белого моря и Северного моря от границы Карелии с финнами на восток до гор Великого пояса или Урала заключается. К югу же издревле русские поначалу часть по части овладевали и к Руси приобсчали. Ныне же все оное и еше с немалою прибавкой под власть Поморской губернии состоит*».

Поводом для размышлений о направлениях политического и социального строительства оказывается генезис Новороссии (Новой России), Кубани. Можно вспомнить также малороссийское по заселению разноцветие колонизируемых в Великороссии земель: Зелёный Клин (Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области), а также Жёлтый Клин (среднее и нижнее Поволжье), Малиновый Клин (Кубань), Серый Клин (юг Западной Сибири и Северный Казахстан).

Или такие экзотичные социодизайны, как *Желтороссия* – наследие напрочь забытого дальневосточного проекта генерала Гродекова (и альтернативного по исполнению, но аналогичного по содержанию проекта Витте). Это не слишком известное определение «русской Маньчжурии» и отчасти Туркестана в перспективе могло объять пространства внешней Монголии, северо-восточного Казахстана, Южного Урала. И, возможно, сопредельных степных территорий Поволжского левобережья, Калмыкии.

Буддийско-ламаистская этноконфессиональная множественность «русских бурят», а далее – в прилежавших к Поволжью просторах – «русских калмыков» смыкалась с этнокультурным пространством «русских башкир» и «русских татар», оплодотворенном, в частности, исходящими из Крыма идеями Исмаила Гаспринского о «русском исламе». ²⁵

* * *

При этом получали шанс на разрешение весьма острые, проблемные ситуации.

По мере продвижения государства на огромные территории удалённого, мало заселенного Дальнего Востока – и ввиду необходимости удержания империи в условиях фактически прозрачных границ – проявлялось меткэкономическое значение таких проектов, как «прошивка» России Транссибирской магистралью. Или геополитически/геоэкономически мотивированное закрепление

которое становилось бы третьим сувереном на равных условиях с Польской короной и Великим княжеством Литовским (Речь Посполитая Трёх Народов). В 1659 г. договор был ратифицирован сеймом, однако в урезанном виде. В результате возникшей смуты (*Раина*) Гетманщина распалась на Право- и Левобережье (которое осталось в союзе с Московским царством: Андрусовское перемирие 1667 г., «Вечный мир» 1686 г.). В 1676/1669 гг. правобережная Гетманщина упраздняется. Сохранялась в пределах Левобережной Украины, входившей в состав России как автономия. Окончательно ликвидирована Екатериной II в 1764 г.

²⁵ См. Исмаил Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения. (<http://www.intelros.ru/index.php?newsid=200>). Упомянем также Ахмеда-Заки Ахметшаха Валиди (Валидова) (1890 – 1970) тюркского, башкирского политического деятеля и ученого.

(техническое и правовое) идеи «КВЖД». Некоторые отзвуки последнего замысла сохранились, кстати, в планах переустройства России Петром Столыпиным.²⁶

Справка: Дальневосточная композиция выстраивалась в ходе войн, из которых мы помним третью: 1903-1904 гг. Однако уже в ходе первой — китайско-японской (1894-1895 гг.) был захвачен Порт-Артур, выкупленный затем для России на французские деньги и в обмен на Формозу (Тайвань). Вторая война 1900 года известна как «восстание итэхуаней» либо как «посольский инцидент в Пекине». Менее знакомы штурм Благовещенска или массовое истребление христиан в Китае. В этом контексте вызревал проект «Желтороссии», касавшийся будущего Уссурийского и Урянхайского (Тувы) краев²⁷, Порт-Артура и Маньчжурии, Квантунской области и Синьцзяна, Внешней и Внутренней Монголии, других территорий, на которые претендовала или предполагала претендовать Россия. Проект вырос из логики развития Транссибирской магистрали, что, кстати, имело побочный эффект в международных отношениях: выдвигении в Гааге Николаем II плана «всеобщего разоружения и вечного мира». Целью было сосредоточение финансов для железнодорожного строительства и прорывного освоения Дальнего Востока. Отсюда сложная композиция КВЖД, включавшая полосу отчуждения на десятки километров от полотна, где действовали не китайские и не российские законы, а «устав» — свод норм, заменявших национальные законодательства. Предусматривалось возведение десятков городов, а строительство Харбина привязывалось одновременно к реке Сунгари, создавая опору сразу на два путепровода. Управление территорией должно было осуществляться российскими военными комиссарами, для чего создавались особые войска: сунгаринское казачество и корпус пограничной стражи. Предполагалось массовое переселение кубанского казачества, переброска морским путем иных казачьих частей. Невольно возникают параллели с практикой компаний, наподобие Ост-Индской, либо госкорпораций с их особыми привилегиями, частными армиями и анклавными хозяйствами уже в наши дни.

Это также достаточно искусственные топонимы, наподобие специально измышленного для Сибири — ЗеленоРоссия (Зелёная Россия) или Голубороссия (Голубая /Голубиная/ Россия) — для Поморья. Еще с начала XII века земли по южному берегу Белого моря являлись владениями Новгорода Великого. Эти земли и есть собственно Поморье, называвшееся также Заволочьем (ниже, между верховьями рек бассейнов Балтийского и Белого морей лежит водораздел, где ладьи перетаскивались волоком).²⁸

Справка: Освоению Поморья придало импульс нашествие Батые и разорение Южной Руси. Колонизация земель и ассимиляция финно-угорского населения привели к складыванию субэтнуса — поморов. С начала XVI в. Поморье, за четыре века заметно увеличившее территорию, входит в состав Московского государства. В это время Поморье составляло около 60% территории складывавшегося государства, а к середине XVI в. примерно половину. Во второй половине XVII в. в 22-х уездах Поморья проживало до миллиона человек. В этой части России никогда не было

²⁶ См. также Александр Неклесса, Леонид Юзефович. Желтороссия — дальневосточная утопия России. (http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/3458-zheltorossija-dalnevostochnaja-utopija.html).

²⁷ Присоединение которого и поныне, несмотря на не столь давнее завершение демаркации границы с КНР, остается непризнанным другим субъектом цивилизационной системы — Китайской республикой (Тайванем).

²⁸ Подробнее см. Александр Неклесса. Меморандум «Северо-Запад». Горизонты глокализации национальной государственности. (<http://www.intelros.ru/index.php?newsid=63>).

крепостного права, и основную массу населения составляли свободные «черносошные» крестьяне. Играло оно существенную роль и в экономике государства, особенно во внешней торговле. По аналогии с другими историческими и новыми территориями России для Поморья в XIX веке были предложены, но почти не употреблялись названия Поморская Русь, Поморская Россия, Голубая Русь, Голубая Россия, Голубороссия. (См. И.М. Ульянов «Страна Помория».)

Можно вспомнить другое, более отдаленное «Русское море» – северную часть Тихого океана. И «Русскую Америку», простиравшуюся некогда от Западной Аляски до Форта Росс в Калифорнии... К этому сюжету мы еще вернемся.

В сумме пунктирно намеченная *разноцветная сложность* («Цветная Русь») могла выстроить совершенно иной каркас удержания полифоничного Русского мира на гребне исторической волны (или цунами) в формате новой русской интегрии или Сообщества русских стран.

II. ЦИВИЛИЗАЦИЯ МНОГИХ НАРОДОВ

Куда ж нам плыть?
Александр Пушкин

Выраженным признаком российского бытия является, пожалуй, его *пограничность*, прочерченная линиями старых и новых трансграничных, междивизиационных трактов.

Территория России последовательно очерчивалась и прирастала в соответствии с географией «путепроводов» своего времени, перерастая в пространство рассеяния («розсіяння»²⁹) ее деятельного населения, которое проявляло себя как динамичное сообщество военно-торговых корпораций.

Действительно, рубежи данного пространства (территориально-деятельного комплекса) обрамлены пунктирами значимых торговых маршрутов своего времени, начиная со знаменитого днепровского: «из варяг в греки». Но также, «из варяг в болгары» – волжский тракт, переходящий далее в дорогу на Хвалынское (Каспийское) море, «к персам» («серебряный путь»). А подчас и еще дальше... как след странствий, скажем, Афанасия Никитина.

Южная граница России – это, фактически, линия Великого шелкового пути. А вдоль Ледовитого океана (на европейских картах XVII века – «Гиперборейский океан», на российских – «Море-океан», «Ледовитое море») – отмеченного форпостом русской цивилизации: *морским* монастырем Соловки – проходил «соболиный тракт», уходящий за Урал, в Мангазею и затем чуть ли не к водам другого океана – Великого.³⁰

Преодолев границы Евразии, российская государственность в своеобразном облики (напоминавшем, отчасти, композицию Ост- и Вест- Индских компаний) вышла на просторы континента, расположенного *по ту сторону* океана. А пионерские, исследовательские суда

²⁹ «Росси від розсіяння свого прозвалися» («Синописис Киевский», 1674).

³⁰ На российских картах до 1917 г. этот океан носил также характерное название – «Восточный».

устремилась далеко на юг, вплоть до берегов тогда еще неведомой, но вскоре открытой русскими морепроходцами Антарктиды.

Иными словами, в какой-то момент на планете наметился контур даже не евразийской, а уникальной трансокеанической державы.

Рассуждая о пространственных измерениях российской государственности, мы забываем, что Россия исторически не только европейское или азиатское пространство, она шире. Это была страна, присутствовавшая в один из периодов истории на трех частях света и дотянувшаяся до края неведомого материка – *четвертого*.

Справка: *Русская Америка, охватывала Алеутские острова, Аляску, Западное побережье Америки до 55-го градуса северной широты и насчитывала 15 поселений от Ново-Архангельска на о-ве Баранов (Ситха) до форта Росс в Калифорнии. Управлялась она особым образом: посредством основанной в 1798/99 годах Русско-Американской компании. Значительная часть торговых операций велась через Кантон. О той или иной форме присоединения к этому пунктирно очерченному, но грандиозному контуру Ново-Российской интегрии задумывались на тихоокеанских просторах разные персонажи, к примеру, на Гавайях. В 1867 году Аляска была, однако, продана Александром II Соединенным Штатам.*

Горизонты восточной (и в каком-то смысле «западной») границы империи предполагали альтернативный, *океанический*, вектор развития, чудившийся в тенетах, казалось бы, сугубо *континентальной* державности. Образы созданных на ее «внутренних» берегах, но не удержанных водных плацдармов, озаряются мерцающим маяком: мыслью о другой – *дальне-восточной* столице и судьбе Русского мира. Но все это осталось туманным, не слишком внятным миражем. Историософски не осмысленным и политически не реализованным российским мегапроектом.

Между тем северная часть Великого (Тихого) океана все же получила на время – как метка несостоявшейся версии обустройства, дерзновенное наименование «Русского моря».

* * *

Вектор России как «страны пространств», «страны пути» был прочерчен также ее культурно-исторической миссией свидетельства о Христе на Востоке, ролью альтернативного трансграничья Большой христианской цивилизации.

Пронзив пространства Евразии, страна устремилась было в трансконтинентальную просторность, смыкаясь там с движением в противоположном направлении («посолонь») западноевропейской ветви этой же, т.е. христианской цивилизации.

Если смотреть на ход событий подобным образом, то и необъятность, и очертания России носят с позиций исторической метафизики неслучайный характер, обладая особым смыслом и культурным содержанием: территория страны, ее подвижные границы по-своему глубоко мотивированы. Иначе говоря, этот необъятный «сухопутный океан» являлся не просто «территорией» или «*географической ямой, заполненной землей и водой*». Фронтирность, запредельность, экстремальность национальной психеи находят, таким образом, не только обоснование в пассионарной экстравертности, но содержат намек на возможность трансцендентального замысла, запечатленного в русском миропонимании: самоощущении судьбы как миссии, исполненной исторической ответственности.

Можно опознать идентичность народа и удел страны через подобное самоощущение, отмеченное «крестом» единственности и инакости, уникальности и всемирности, эсхатологичности и отверженности. Возможностью свободы «в героизме и в грехе» и горделивого обрушения в пропасть.

Неверное прочтение подобного неоднозначного, искусительного, метаисторического текста отзывалось в земной истории народа тяжелыми, порою катастрофическими потрясениями. А с утратой этого духа, потерей чувства цели и очарования *русской мечты* обесмысливались необъятные очертания государства.

И под вопросом оказывалось само существование страны и народа как субъекта истории.

* * *

Но все же, что такое Россия? Мы видим: она – не Азия и не Европа, не Евразия и не Азиопа. И не наследница Византии. Все это внешние обличья, не открывающие внутреннюю, прикровенную суть культурно-исторического пространства.

Россия также не моноэтническое государство и не просто пограничная территория христианской культуры.

Мыслилась она своими идеологами и метафизиками как «особое место», средоточие «остатка» – остров верных, хранящих истину в мире, заливаемом водами нового потопа. И являющихся новой общностью. Именно в этом смысле Русь – Третий Рим, где, кстати, русские – не этнос, а *ромей*, а Русское царство – царство *Ромейское* (так, подчас, в документах и писалось³¹).

Подобные культурно-исторические инстинкты и интерполяции проявлялись в собирании разноплеменных народов, в прозелитических и культуртрегерских амбициях, в освоении и присвоении мозаичных восточных и южных пространств, а заодно в усвоении их опыта и умений, включая обширное «ордынское» наследие. Непростая ситуация сложилась также с «наследием византийским», но об этом чуть позже.

На протяжении длительного периода миростроительные умонастроения, порою в весьма различных обличьях, питали Россию, являясь подспудной движущей силой как ее внутренней, так и внешней экспансии.

Предельность и напряжение, наличествующие в ощущении метаисторической роли, предопределили широкий спектр претензий на универсальную державную, имперскую роль. И, в конечном счете, на глобальное присутствие.

Приходится, однако, повторить: подобное самосознание народа и власти, самоопределение и возвеличивание страны, уверенность в исполнении «*совершенно особой воли провидения*» предполагали возможность не только запредельного взлета, но и ужасного низвержения.

³¹ В ряде текстов XVI века изначально прописано «ромейское», а не «росейское» или «росийское», как впоследствии, а порою и до настоящего времени воспроизводилось (и воспроизводится), т.е. «*великое Ромейское царствие, Третьей Рим*». Другими словами, речь шла о принятии Московским царством традиции вечного «*православного царства*», где «*нести ни эллина, ни иудея*» и где «*Господь в римскую власть написася*», а не о бранных национальных/государственных оболочках. Но правильное написание оставалось забытым и неизвестным, кажется, вплоть до самого начала XX века. Интересна и более радикальная точка зрения о несознательной путанице двух греческих букв в строчном написании: μ и σ (из-за привычного *Рѡс* и его производных), что породило именование «*росейское*» и логичное производное – «*Россия*», закрепившееся позже, ближе к XVII веку.

СТРАНА ПУТИ

Мы России не знаем!
Алексей Хомяков

Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!
О, старый мир!...
Александр Блок

Размышляя над проблемой российской идентичности, самоидентификации, можно констатировать, что Россия, в сущности, это *страна пути*. Так она исторически строилась.

Иначе говоря, странствия, дороги, дерзновенность целей, обширность горизонтов, величественность миражей – и промысленных, и мнимых – являются для России совершенно особыми ориентирами деятельности. Потому, наверное, сопряженная с данными представлениями идея *развития как пути* опознается в качестве русской идеи. Однако лишь в психологическом и метафизическом преломлении прочитывается ее сокровенный смысл.

Возможно, развитие как таковое все же не является точным определением специфической черты русской ментальности. Тем более *развитие* как *приобретение*. Скорее здесь обитает нечто более глубинное, некая стихия, порождающая саморазвитие, выводящая внутреннюю инициативу на поверхность. И выходящая таким образом за пределы обыденного порядка.

Другими словами, русскому характеру имманентно присуща внутренне мотивированная тяга к запредельности, устремленность к экстремальности, мечте, фантазии, дерзновению. Земное же ее воплощение – отмеченная выше *фронтирность*, являлась в свою очередь доминантным стимулом к освоению бескрайних (*о-крайних, по-граничных, рубежных, за-волочных*) просторов.

И строительства специфической государственности.

В чем-то тут слышится эхо американской идеи *high frontier*, «великого трека», а заодно обертонны монгольского, кочевнического идеала пути «к последнему морю».

* * *

Попутно отметим, что в историческом опыте Руси наблюдаются разные типы обустройства русской власти, с различной политической типологией и социальной феноменологией.

Республиканской, вечевой – в Северо-Западной (Новгородской и Псковской) Руси. Феодалной, шляхетской, «магдебургской»³² – в Руси Юго-Западной (Малой и Червонной, Белой и Черной). Самодержавной, централизованной (административно-бюрократической) в Северо-

³² Местное самоуправление («магдебургское право») начало предоставляться юго- и западнорусским городам еще в Галицко-Волынском княжестве. Первым его получил Сянок в 1339 г., Львову права предоставлены в 1356 г., Каменец-Подольску в 1374 г., Бресту в 1390 г., Гродно в 1391/1469 гг., Киеву в 1494-1497 гг., Минску в 1499 г., Могилеву в 1561/1577 гг. Витебску в 1597 г., Гомелю в 1670 г. и т.д. Область распространения примерно совпадает с восточной границей Юго-Западной Руси вплоть до верховий Днепра, включая и переходивший из рук в руки Смоленск, которому это право, возможно, даровал еще Витаут в начале XV века. (В 1611 г. город получает его от Сигизмунда III). А, скажем, Чернигов, Глухов, Кролевец, Стародуб обрели в 1618 г. после перехода Чернигово-Северщины к Польше согласно перемирию. Местное самоуправление сохранялось в западных и южных городах страны вплоть до XIX века (последним получил г. Романов в 1817 г.). В 1831 г. городское право в империи упраздняется (в Киеве ликвидировано царским указом от 04.01.1835).

Восточной Руси (Московии и ее восточных владениях), ставшей исторической наследницей ордынского Белого (*Сар*) царства и основой Российской империи.

Можно вспомнить и более экзотичные политии, существовавшие на российских просторах, к примеру, феномен казачества с его идеалом свободной милитаризированной ассоциации.

Провести границу социокультурного разлома можно отслеживая рубеж генетически связанных с Европой пространств городской культуры (условно определяемой как магдебургская) и ареалов, входивших в податную, административно-политическую систему Белой («Золотой») и Синей Орды.

* * *

В «архетипическом» подходе к дефиниции русской национальной идеи присутствует, конечно же, некая провокативность.

Дело вот в чем. В ходе обсуждений и рассуждений на тему русской идеи то и дело сталкиваешься с каталогом концепций идеологического/политологического извода. Самыми яркими примерами являются идеологеммы *Третьего Рима*, «самодержавия – православия – народности», *Третьего Интернационала*... Список легко и расширить, и продолжить.

Любопытна, кстати, вероятность внесения (внедрения) социокультурного гена идеологии *Третьего Рима* северо-западными персонажами Руси в качестве средства удержания восточной – в географии и политике Русского мира того времени Московии, от искушения принятия в культурно-исторической полноте наследства распавшейся и угаснувшей примерно в тот же период другой вселенской империи: Ордынского царства.

В любом случае, думаю, прорыв искусственной плаценты – собрания концептов, институализированных «сверху», но не получивших по тем или иным причинам развития, лишенных общественного признания, однако воспринимаемых сегодня в качестве российских судьбоносных идей – преодоление подобной историософской аберрации могло бы прояснить России ее истинный горизонт, затянутый пеленой этих иллюзорных видений.

В качестве некоторого аналога (который, впрочем, как и все аналогии хромает) – позволяющего отчасти почувствовать вкус проблемы – я бы предложил задачу по определению, скажем, «национальной идеи» Древней Греции. Думаю, в подобном разговоре можно было бы услышать весьма различные и вполне обоснованные построения, связанные с идеями демократии, полисной культуры, философии и много подобного, подтвержденного убедительными тезисами и яркими афоризмами.

Но к проблеме опознания генеральной идеи древнегреческого строя, его миропонимания и стилистики миростроительства можно подойти с иной стороны. Постулировав, скажем, что таковой была идея порядка, последовательной и тотальной организации ментальной/языковой сферы – т.е. *промышления* всего и вся. И был бы в этом подходе свой исторический и культурный резон.

То же и с Россией.

* * *

Идею *развития* в пространственном и историческом замысле российской государственности я воспринимаю скорее как универсальную тягу к освоению неведомого, как все ту же принципиальную *фронтирность*, в том числе метафизического свойства, как преодоление любых и всяческих пределов.

Если угодно, как архетип *иночества* и феномен *казачества*.³³

Рассуждая о пространственных измерениях страны, мы порою забываем: исторически это было не только и не просто евразийское пространство. Но шире – уникальное трансконтинентальное, многонациональное... А в пределе – и даже парадоксальным образом в своем сокровенном, автаркичном, «островном» замысле – «мировое» государство. (Вспомним очертания герба скрывшейся в водах истории России-СССР.) И эта страна, в один из периодов истории простиралась на нескольких континентах.

Опять-таки отмечу общий для американской и русской психеи дух продвижения – тяготения, своеобразного «притяжения» к дальней земной границе. Причем – в случае с Россией – с небрежно сброшенным с плеч попутным обременением: правом, в соответствии с законами времени, на еще один, предельно южный и одновременно максимально «северный» континент.

Как-то забывается под флером идеологической и кинематографической мифологии, что западная и восточная ветви христианской цивилизации, встретившись на краю земли – пограничье Дальнего Запада, сомкнули глобальное продвижение *Universum Christianum*. При очевидных различиях они совместно вписали в исторический текст особую формулу универсального обустройства земного общежития, запечатлев ее в «тверди и хляби» по горизонтали и по вертикали: с запада на восток и с севера на юг.

* * *

Видится здесь также предчувствие иной встречи – потенциально с возможностью различного исхода – произошедшей уже в XX столетии и по другим основаниям. Встречи-столкновения атлантической (западной) и российской (советской) цивилизаций на рубежах ковавшейся в те годы конструкции одновременно глобального и биполярного универсума.

Отметим, что тяга к непрерывному продвижению, испытанию земных пространств на протяженность и прочность, притягивающий души динамический идеал *high frontier* – свойство отнюдь не всех цивилизаций. Вспомним, к примеру, запрет на океанические путешествия в средневековом Китае, подрубивший трансконтинентальную экспансию Срединной империи, хронологически даже опережавшую в какой-то момент европейскую.³⁴ Или упорное самостояние конгломерата индийских сообществ (культурный запрет на эмиграцию), да и ряд других исторически достоверных примеров.

Конечно, тема полифонии цивилизаций, понимаемых как социокультурные пространства, культурно-исторические типы, субэкумены, непроста, она имеет массу обертонов. И даже энергии русской и европейской экспансий, основанные на изначально единой метафизической позиции, развивались исходя из различных социокультурных формул реализации.

³³ Всего на территории Российской империи сложились земли одиннадцати казачьих войск.

³⁴ Так в начале XV века, т.е. почти за столетие до эпохи великих географических открытий, китайский мореплавателю Чжэн Хэ побывал в Малайзии, Индонезии, на Цейлоне, в Индии, возможно, дошел до восточной Африки. Китайцы (инициированные под властью монгольской династии Юань, «сшивавшей» таким образом ответвления пестрого хозяйства и наследия некогда величайшей империи) совершили в тот период более десятка океанических экспедиций, обложив данью ряд государств-Индийского океана и даже Красного моря (вплоть до Мекки). Однако некоторое время спустя правители минской династии запретили океанические путешествия, причиной чего явились именно возобладавший (господствовавший) тип мировоззрения и соответствующая практика миростроительства.

«РУССКИЙ БОГ»

Велик русский бог!

Мамай

Нужно ль вам истолкованье, Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье, Сколько я заметить мог.
Бог метелей, бог ухабов, Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов, Вот он, вот он русский бог.

Петр Вяземский

Очевидно, что развитие российское, русское – как его ни определяй – имеет свою оригинальную специфику, причем глубинного, фундаментального свойства.

Вопрос, однако, в чем именно она состоит? На каком фундаменте возводилось государство российское как движение русской цивилизации, впитавшей ордынские токи и воспринявшей также мощный культурно-государственный импульс от Второго Рима? Причем наследство было воспринято парадоксальным образом – не в качестве собственно византийского, а скорее как попытка отторжения византийской коррозии от самого наследия при ощущении уникальности миссии сохранения, если не плода, то цветка ромейской духовности. Того цветка, который, несмотря на окружающую его коррозию, произрастал и благоухал именно в последние столетия второй римской империи.

С наследием византийским вообще сложилась непростая ситуация. В обществе до сих пор господствует стереотип о преемственности Руси и Византии, выраженный, к примеру, в легенде о «шапке Мономаха» или в поздних толкованиях тезиса о Третьем Риме. Связь, действительно, существует, равно как наследие и преемственность, только вот в каком смысле? Если обратиться к документам и событиям эпохи (XV-XVI века), мы видим: дело обстояло подчас едва ли не противоположным по отношению к поздним прочтениям ситуации образом. И формула Третьего Рима осознавалась, скорее, как опровержение Византии, отрясение ее праха, нежели как ощущение кровного родства и наследования...

Однако обретение православного апофатического богословия, развиваемого в Византии, познание мира удивительных энергий, постигаемых и пестуемых в основном в исихастском кругу, а на русских просторах – нестяжателями, заволжскими старцами, каким-то образом – с изменениями, угасаниями, провалами вплоть до трагического надлома – было все же унаследовано Россией. И унаследовано во многом в сфере практики, а не богословия. Богословия же, как такового в России, пожалуй, и не сложилось, а вот практика, «практическое богословие» сложилось.

В целом же, Русское царство, обретшее собственный формат государственности, аккумулировав при этом претензии на реконструкцию миропорядка и нащупав стержень оригинальной идеологии, напоминало в те годы сжатую пружину. В течение весьма короткого исторического срока энергия преобразований сказалась не только на размерности и статусе страны, но и на самосознании народа. Она ввела в мировой контекст деятельного персонажа, который с тех пор при всех исторических пертурбациях до последнего времени не покидал историческую сцену.

* * *

Апофатичность, прочитанная и воспринятая как особый культурный импульс (т.е. преимущественно косвенным образом), произвела ряд отличных от источника и от западноевропейских версий

христианской культуры производных. Созвучных, однако, психологическому складу русских очарованных странников-первопроходцев, купцов и монахов, разбойников и воевод, обитавших – вспомним об этом обстоятельстве – на краю лишь частично познанной земли-ойкумены.

Попробуем воспроизвести, хотя бы списочно, качества подобного самоощущения и самостояния: запредельность, экстремальность, безымянность, неформальность (небрежение формой), инакость, мечтательность, утопизм, буйность, подвижничество, продвижение, освоение, мобилизация, эсхатологичность... И даже «перестройка» в каком-то неявном виде присутствуют в данном ряду, в том числе в залоге катастрофичности, – и все это вместе взятое входит в некую «русскую социологию развития».

Каким образом? Одним словом, конечно, не ответишь. Но можно пытаться. Подобная запредельность и экстремальность психеи имеет не только многочисленные внешние проявления. Она намекает именно на *тип национальной идентичности* – имманентное ощущение коренного трансцендентального замысла, на подсознательную внутреннюю картографию и нелинейную умственную геометрию. Связанные в свою очередь с особенностями миропонимания, самоощущением личностью и народом судьбы как миссии, наполненной дерзновенным содержанием. Русский закон – быть выше закона. Что проявляется и как рутина, и как доблесть, и как скотство.

Повторим еще раз то, что уже было частично сказано. Внешним признаком российского исторического/политического бытия, равно как национальной ментальности являются одновременно *центробежная* (географически и демографически) и *центростремительная* (административно и идеологически) фронтирность. Прочерченная линиями старых и новых трансграничных, интерцивилизационных трактов, мыслительных и социальных устремлений. Фронтирность, отвращающая индивида и общество от планомерного освоения повседневности, уводя то в подвиги, то в грезы, со всеми присущими подобному способу бытия заблуждениями, ошибками, провалами, сантиментами.

Действительно, искаженное, неверное, подчас прямо извращенное, горделивое прочтение тезиса отзывалось в земной истории тяжкими, катастрофическими потрясениями. Но как Иона не смог отказаться от предъявленной ему миссии, так и для отказа от исторического промысла, от собственной идентичности (мечты) требуется, видимо, совершенно особое сверхусилие, не сулящее, однако же, ничего хорошего.

* * *

Апофатическое богопознание предполагает испытания на грани предельности. Оно, собственно говоря, и основано на перманентном обитании в подобном статусе, на решительном, но умном шаге за очерченную привычным бытием границу.

Апофатическое мировосприятие актуализирует также неочевидные, «темные», глубинные свойства любви как высшей ценности и реальности, предполагающей в качестве земного проявления – в условиях перманентно проявляющегося несовершенства мира – жертву. И муку, связанную с протяженным во времени ее принесением: то есть терпение «*во плоти*» и «*вне общего предела*». Без любви же апофатическое миропознание как опознание истины вообще невозможно, опасно и даже предосудительно; подобное действие ведет в лабиринт, из которого нет выхода. Или «*во ад тесного одиночества*».

Апофатический подход к миростроительству – практике земного бытия, есть *самотворение* и *само-отворение* (а подчас – искусительное/искупительное *самосожигание*). К тому же это скорее испытание мира с целью познания истины, нежели его перестройка.

Схожим образом катафатическое мировоззрение по-своему акцентирует, проблематизирует онтологичность творчества и свободы. Плоды же – принадлежат икономии и милосердию, т.е. всем.

Чувство становящейся едва ли не обыденной *за-предельности* (в том числе, в страдании), насыщаемой сгущающимися, но остающимися незримыми токами земной жизни, отражается в социальной и политической практике, их внутренней экстаичности, экстремальности. Порою – свирепости. Экстремальности, которая имеет как интроспективную, так и внешнюю мобилизационную составляющую, требуя в том и другом случае крайнего напряжения духа, формируя привычку к непрестанному усилию, *сверх-усилию*. И в то же время обладает странной при взгляде извне *прозрачностью, будничностью*, обращаемой подчас властью в прямую эксплуатацию способности народа к предельной мобилизации.

Действительно, с утратой оснований, *неудержанием* главного, терпение может переродиться в тривиальную, а то и просто тупую покорность, причем чрезмерную. Героизм как воля и способность жертвенно противостоять очевидно неблагоприятному развитию событий трансформируется в своеобразный «национальную ресурс», специфическую черту характера – способность к длительному напряжению сил, предельной терпеливости, хищнически используемую властителями.

Иначе говоря, регистрируемые приметы соответствующего культурного клише, мировосприятия и поведения без внутреннего самостояния, возрастания личности, постоянного горения, неуступчивости «*до самых до смерти*» попыткам коррупции (*искушениям*) и прагматичной их конвертации, своей внешней пассивностью по отношению к земному устройству развязывают возможности деспотизма и беспредельной тирании.

Есть между тем у русской психеи даже более глубокий пласт (данное свойство отметим лишь на полях, не углубляясь в его жгучее содержание) – безудержная устремленность к идеалу. Тяга совершенно особого рода: перфекционизм, заставляющий разрушать и отчасти презирать все земное как несовершенные копии недостижимого перфекта.

Это особое прочтение творчества – как искусства сокрушения несовершенств.

* * *

Корни мобилизационности как феномена могут быть различными, так же, как различны облики развития, но мы способны отличать цивилизации по «родовым меткам» динамических и социальных производных.

В сущности, на протяжении некоторого периода на планете состязались две ветви цивилизации, несущей в своем естестве динамическую производную.

С одной стороны – это европейская цивилизация, которая помимо англо-саксонской империи, «где не заходило солнце», произвела на свет собственную версию вселенского мира: эпоху Нового времени (*Modernity*). Породив попутно энергичное сообщество «объединенных государств» («штатов»), выстроивших под сенью «града на холме» фундамент и само здание глобализации.

И не столь внятные, синкопированные, но не менее дерзновенные, футуристичные эскизы России, которая воплощала географическую/идеологическую «разведку боем», грезя всемирными и надмирными миражами. Не слишком отделяясь, однако, от материнских (континентальных) пространств, хоть и продуцируя фрагменты трансграничной планетарной и универсальной мировоззренческой экспансии.

Так появлялись окраины, *у-краины*, пределы: казачьи запорожские и донские, волжские и терские станицы, заселявшие речные, степные, горные рубежи. Это дух и быт поселенцев Урала и Поморья, это энтузиасты Беловодья, соратники Ермака, яицкие, амурские, дальневосточные первопроходцы, шаг за шагом раздвигавшие пространство познанной ойкумены. И еще ушедшие от мира, скрывшиеся в неизведанных до поры землях монахи и старообрядцы...

Кстати, упомянутая ранее Российско-Американская компания, совершившая скачок в заокеанскую запредельность, в каком-то смысле соприсутствует в этом ряду. (А также в некой своей грани греза о «земном рае» – всемирном, надмирном со-обществе солидарности и справедливости – коммунизме.)

Каждый по-своему, они укрупняли, *творили* очертания страны под стать пропорциям и границам мятущегося духа.

С позиций же историософии (сплетений метаисторического промысла и земных замыслов) встреча на окраине американского континента двух потоков христианской цивилизации представляется явлением и примечательным, и символичным. Изначальная претензия на горную запредельность, пробудила дух прорыва прежних земных границ – непреодолимых океанических оболочек средневековой и античной ойкумены. И дала возможность *Universum Christianum* отринуть пределы ветхого потопа, заполнив собственным половодьем планету.

Сочетая в единое целое охваченные пробуждением миры.

БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ

Динамизм новых миров всегда свидетельствует об их превосходстве над страной, откуда они вышли: они осуществляют идеал, который остальные втайне лелеют как конечную и недостижимую цель. Внезапное появление подобного общества на карте сразу упраздняет значение обществ исторических.

Жан Бодрийяр

А переменит Бог Орду, и моя княгиня, и мои дети возьмут дань себе

Василий II

XXI век, кажется, избрал интегрии в качестве одной из несущих конструкций нового мира.

Вызревая в лоне глобализации, они находятся на разных стадиях сборки, демонстрируя спектр архитектурных решений: США и ЕС, Индия и Китай, Латинская Америка и Арабский мир и т.п.

Ядра интегрин окружены странами и конструктами-лимитрофами (e.g. Средиземноморское сообщество или Восточное партнерство, примыкающие к ЕС). Которые, несмотря на привкус второсортности, причастны к влиятельному кругу; к тому же им не грозит судьба стран-изгоев,

наподобие Бирмы, Северной Кореи или Кубы. В полу- собранно/разобранном состоянии находятся потенциальные либо бывшие интегрии: страны Африки или Постсоветский мир. Присутствуют на планете и «состоятельные одиночки» – мини-субэкумены, которым, однако, все сложнее реализовывать будущее. Примером могут послужить Иран или Израиль. Последний в меньшей степени отвечает дескрипту, являясь своеобразной квази-интегрией. Кроме того на планете находятся такие государства, как Грузия или Армения (вынужденно продвигающаяся к восстановлению отношений с Турцией), пребывающие в состоянии транзита между распавшейся интегральностью Закавказья/СССР и не сложившейся комплексностью Черноморских стран.

Существуют пограничные ситуации – та же Турция, возможно, приближается к стратегической развилке: интеграция в ЕС либо политическое творчество в контексте исламотюркского сообщества.

Кстати, турецкая ситуация – потомка/осколка Османской империи, стремящегося в Европу, отчасти напоминает украинскую, да и российскую дилемму.

* * *

Ярлык «постсоветский мир» маркирует геополитический вакуум, образовавшийся в Северной Евразии.

На территории канувшего в Лету СССР расположены сегодня 19 государств с различной юридической и фактической суверенностью. Пространство это сохраняет признаки особой социокультурной (цивилизационной) ниши, причем не только за счет призрака *Советского Союза*, но и в силу более глубоких исторических связей и традиций. Фантомная оболочка, однако, постепенно разрушается, множа подпространства, ориентированные на разные центры интеграции. Так что связанности и разделения – это проблема не только России.

Какие союзы сформируются здесь спустя пару десятилетий? В какой степени будут ориентированы на Россию и будут ли ориентированы на нее вообще? Будут ли они выстроены персонажами, исключившими Россию из новой сборки? Сохранит Россия-РФ свою нынешнюю композицию? Как сложится судьба Северного Кавказа? Произойдет ли автономизация Калининградской области, других особых регионов (скажем, Дальнего Востока) и национально-культурных автономий? Либо постсоветское пространство окажется цивилизационным бульоном: бурлящей смесью с разнообразными ингредиентами в меняющихся пропорциях? Утвердятся ли Восточное партнерство и его гипотетический Центральноазиатский аналог? Как вообще сложатся отношения европейской и азиатской частей постсоветского пространства?

Ситуации геополитического вакуума отведен не слишком долгий срок. Так что ключевой вопрос сохраняется: по какой формуле пойдет процесс обустройства ареала, что за имя утвердится за «новой геополитической реальностью»? И дело тут не столько в критике, сколько в конструировании будущего.

* * *

Цивилизационная, равно как национальная идентичность базируются на господстве мировоззрения, претворяемого в энергии культуры и практику миростроительства, что находит выражение в историческом целеполагании и отражение в текущем политическом проектировании.

Проекты основываются на оценке ситуации/перспективы, на доктрине, учитывающей идеальные и конъюнктурные цели. Обобщением чего служит национальная стратегия, проводящая

инвентаризацию средств достижения, определяющая такты (тактики) «большого пути». Все это обширное хозяйство напоминает шахматную партию, но лишь отчасти, т.е. в своем, так сказать, технологическом аспекте, – требуя мировоззренческой прозорливости, интеллектуального таланта, социального/гуманитарного инструментария, пристального и нелицеприятного прочтения практики.

Мировоззрение нации отражается в ее основном земном (прагматичном) документе, сводящем воедино основополагающие для общества принципы и нормы, социальные скрепы жизнеустройства: *конституции*.

Конституция содержит постулаты, формализующие признанную систему ценностей, обозначая миростроительные начала и законодательные принципы (юридический образ нации), утверждая, таким образом, основы общества и государства.

Между тем соответствие подобных констатаций практике подчас меняется стремительно и радикально.

* * *

Граждане России не первый год обитают в условиях социокультурного транзита.

Можно сказать, транзит – наше «родовое гнездо»: Россия – слово уже было произнесено: *фронтирная* территория. Да и кризис культуры Большого Модерна на планете назревал не одно десятилетие, весь XX век прошел под знаком экспериментального поиска нового миропорядка.

Прописи слишком хорошо известных проектов века – коммунизма, фашизма (корпоративизма), нацизма, социальной демократии, неолиберализма – сменив конкуренцию конфессий, религиозных ересей и прочие конфликты былых столетий, по мере воплощения демонстрировали ту или иную степень однобокости, ущербности, порока.

А, случалось, стремительно преображались из утопий в антиутопии.

Цивилизация тем временем усложнялась и одновременно в чем-то упрощалась: индивидуация и массовизация, глобализация и локализация, урбанизация и вилдджизация... Социальный космос сегодня объединяет сосуществующие, но разлетающиеся миры, число которых умножается (что далеко не всегда заметно для взора, привыкшего к статичному пейзажу). Миры, которые предпочитают и могут себе позволить жить по собственным уставам.³⁵

Глобальное сообщество балансирует на краю трамплина, вопрос лишь конвертируются ли пробужденные энергии в конструктивные и относительно привычные формы бытия? Или мы находимся в преддверии перемен гораздо бо́льшего масштаба, нежели представляется? Возможно, уже в ближайшие десятилетия совершится переход к полифонии (если не какофонии) разноформатных организмов, включая государства-корпорации, транснациональные властные «облака» – влиятельные сети и сообщества, их высокотехнологичные терминалы, сосуществующие с неoarхаичными формами квази- и пост- цивилизаций.

* * *

Человечество, переживающее Большой социальный взрыв, пронизывают разные токи.

³⁵ Подробнее см. Александр Неклесса. Мир Индиго. Беседа первая.

(http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/1404-mir_indigo_i.html);

Александр Неклесса. Мир Индиго. Беседа вторая. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/1405-aleksandr_neklessa_mir_indigo_beseda_vtoraja.html).

Чертежи проектируемой галактики содержат уравнения с мнимыми числами и актуальными бесконечностями. Центр гравитации – при материальном многообразии универсума, смещается в область нематериальных активов, где концентрируются богатства, сила и власть постсовременной вселенной.

Эволюционный скачок сопровождается центробежным расслоением, нелинейной конфигурацией мироустройства, наполненного симбиотическими иерархиями, подвижными политиями и разноязыкими поколениями акторов на планете. Это совсем не плоский мир.

Социальная семантика претерпевает удивительные мутации: появляются оригинальные диффузные образования, «беременные туманности», в чем-то повторяющие очертания знакомых организмов, но имеющие заметно иное содержание.

В антропологизированной версии социокосмоса инстинкты субъективного, сокрушающего препоны энтузиазма инициируют зачатие трансцивилизационных химер, удерживаемых до времени паллиативными, судорожными попытками контроля буйной практики.

* * *

Итак, привычный формат национальной государственности становится проницаемым и уязвимым, в то время как новые формы – нестабильны, пластичны, амбивалентны. Параллельно возникают такие экзотичные, влиятельные субстанции, как власть без государства и общество без власти.

Все это серьезный вызов ценностям, интеллекту, типу мышления, системам знания прежнего мира. Но прежде всего – вызов человеку, находящемуся на краю лишь частично опознанной, а потому «темной», укутанной миражами метагалактики. В ситуации неопределенности обостряется желание постичь параметры неосоциальности, жизнеспособной и эффективной в подобных обстоятельствах. Критический фактор – обладание многомерными *преадапционными* картами, на которых вычерчена не только топография мира, канувшего в Лету, и даже не текущая – опознанная, отчасти формализованная реальность, но подвижный, с трудом улавливаемый через посредство миражей ландшафт, который мы привыкли определять как будущее.

В этой картографической мастерской фиксируются и фокусируются не только энергии клонируемых протосуверенов, но также действия национальных корпораций, занятых поддержанием целостности трансформируемого общества. Не только инновационные процедуры эвакуации и транзита, но ценности, обретенные цивилизацией, такие ресурсы, как здравый смысл, крепость моральных принципов, сила воли. А в сфере метафизики – значение даров духа, инстинкта солидарности, потенциала милосердия. И развитой эмпатии.

Пропись сложноорганизованной вселенной мыслится, творится различным образом. Индивидуализм и соборность – подобно гражданственности, некогда расправившейся с сословностью, – вытесняют круговую поруку общества, отрицая «коллективизм племен». Отринув кокон общинного господства и подчинения, новая социальность преобразует ветхую природу, утверждая в едва ли не суверенных правах личность, ориентирующуюся на собственные мерцающие идеалы (*аттракторы*).

В изменившихся обстоятельствах синергичное и постсекулярное мировидение инкорпорирует фигуру неклассического оператора, да и саму метафизику как ипостась – часть комплексного рельефа иначе прочитываемой реальности.

* * *

Что же приходится пересматривать и переосмыслять политикам и генералам, отвергать либо принимать интеллектуалам и предпринимателям? Чем необходимо обладать или жертвовать жителям незавершенной, изменчивой вселенной?

Человеческий космос – пространство все более конкурентное, арена непрекращающейся битвы за будущее, его образ, содержание. За реализацию своей формулы миростроительства. Борьбы, где не только состязаются концепты или проекты, но, подчас – обозначив тот или иной конец истории – искажаются, деформируются каналы новизны, обращая фрустрированный взор к мифической заводи золотого века. Постсовременный мир – ристалище острого соперничества, в котором противника порою пытаются лишиться самого чувства будущего, замкнув его исторический и социальный горизонт.

На подобную ситуацию можно смотреть «широко закрытыми глазами», используя прежние представления о природе социокосмоса, и продолжать действовать привычными методами. Однако останется ли при этом Россия в «новом смелом мире» на достойном месте, увидим ли мы ее вообще, либо сбудутся слова, прозвучавшие тревожной нотой на рубеже веков: *«Россия это не данность, а проблема»* и *«пришла пора подумать о мире без России»?*³⁶

Полифония Русского мира как обители многих народов, ныне усеченная в квазиимперскую суету, нуждается в умном переосмыслении и непростой реконструкции. Вертикаль, даже будучи реализованной, есть упрощенная логика властвования, возникающая как производное от исторически вынужденного «держания» («держава») обширных пространств и разноплеменных народов, господства над ними («господарь», «государь»).³⁷

Подобная логика продуцирует неосредневековые как сословность и разделение, тормозя социальную подвижность, «окорачивая» динамику, гася многоцветие и креативность. А в конечном счете, разделяет народ на имобилизованную середину («подчиненный остаток») и пассионарную центробежность, выходящую за пределы и «государства», и страны.³⁸

³⁶ Подробнее см. Александр Неклесса. Время коротких горизонтов. Реализация планов инновационной и инфраструктурной модернизации в России перманентно сдвигается в «светлое будущее». – Независимая газета. 2008-06-26. (http://www.ng.ru/ideas/2008-06-26/10_modernizatsia.html).

³⁷ Подробнее см. Александр Неклесса. Провал постиндустриальной модернизации. Гегемония номенклатурного класса помешала российскому обществу стать свободным, сложным и динамичным. – Независимая газета. 2006-09-08. (http://www.ng.ru/ideas/2006-09-08/11_proval.html).

³⁸ Интересны результаты опроса, проведенного более двух лет назад (26.04.08 – 15.05.08, т.е. до кризиса) Центром Левады. Опрос был посвящен ориентациям молодых (24-39 лет), образованных представителей «российского среднего класса» (сложно определяемая в России группа, составляющая согласно параметрам данного опроса несколько процентов населения). Опрашивались люди с достаточно высоким по российским меркам уровнем дохода, иначе говоря, деятельная прослойка. Ответы показали, что половина респондентов (50%) *«постоянно или время от времени думают о возможности уехать из России навсегда или хотя бы на время»*. Причем, желающие эмигрировать – моложе (75% младше 35 лет), имеют бо́льший доход (более 15% это высший слой среднего класса), живут в крупных городах – 55%). Одновременно вскрылось нечто более серьезное: заметная часть людей, успешно устроивших жизнь, будущее детей мыслит за пределами России: приблизительно две трети опрошенных (63%) определенно хотели, чтобы дети *учились и работали* за границей, а чуть более трети (35%) определенно хотели бы, чтобы дети *жили* за границей постоянно. (Данные опубликованы 01.07.2008; см.: <http://www.levada.ru/press/2008070101.html>). Опрос Исследовательского центра рекрутингового портала SuperJob.ru (11.05.2010) показал, что работать за рубежом хотели бы более 50% экономически активных россиян, не хотели бы работать за границей 30%. Еще более шокируют результаты локального опроса, проведенного этим же центром в августе 2010 г. по заказу газеты «Ведомости» (в опросе участвовало 1000 человек из числа экономически активного населения, задавался, в частности,

* * *

Взрывные, стремительные перемены в антропологической вселенной очевидным образом востребовали инициативу, интеллектуальную подвижность, методологию познания/действия, адекватные открывшимся обстоятельствам.

Необходимы внятный язык и категориальный аппарат для экзотичных форм практики. И для требующей неординарных усилий результативности. Жизненно важной оказывается логика, основанная на преадаптации, апробированная в среде венчурных предприятий. Необходимо опознавать блики и тени эпохи, режиссируя курс в бурных водах универсального транзита. При этом возникает искушение «простых решений» – почти по Гоголю: суммировать хорошее, отсечь плохое, приставив нос одного персонажа к лицу другого для достижения якобы идеального результата. Но к реальной политике, где кишмя кишат дьявольские альтернативы, это вряд ли имеет отношение.

Новые комплексности, повторюсь, выстраиваются поверх географии национальных государств. Америка прочерчивает на планете собственную картографию зон национальных интересов, коалиций безопасности, стратегических и геоэкономических союзов. Европа умножает измерения союзного пространства (ЕС), законодательного сообщества (Европарламент), трансграничного ареала (Шенген), финансовой общности (евро). Китай, вбирая отщепленные анклав, балансирует между освоением внутреннего пространства, населенного десятками народов, и ролью «промышленной мастерской» мира.

Все они переживали свои «грозные години».

США – борьбу за независимость, братоубийственную гражданскую войну, Великую депрессию. Европа была полигоном сражений двух мировых войн и радикальных социально-политических разделений. Китай, подобно России, распался, погружаясь и в гражданские, и в антиколониальные, и в мировые войны. И в трагичную архаизацию, словно бы в насмешку получившую прозвище «культурной революции».

Но выходили они из этих периодов «хаотизации организации», возрождаясь для новой жизни.

* * *

Россия-РФ не может вернуться ни в страну под названием Россия-СССР, ни в легендарную Российскую империю.³⁹

«Я испытывала такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания,

вопрос: «Если бы у Вас была возможность жить в любой стране мира, какую страну Вы бы выбрали?»). Лишь 23% россиян выбрали Россию, 73% респондентов предпочли для возможного проживания другую страну. По данным опроса НАИРИТ, среди молодых российских ученых 63% хотели бы заниматься наукой за рубежом и 26% - в России. В 2009 г. в рамках профессиональной эмиграции в США уехало 56 тыс. человек, в Израиль - около 13 тыс., в Австралию - 12 тыс., в Германию - 9 тыс., в Канаду - 8 тыс. Наибольший интерес вызывают математики, физики, химики, специалисты информационных и биотехнологий. Всего по данным Фонда ООН в области народонаселения с 1992 г. из России эмигрировало более 3 млн. специалистов.

³⁹ *«Нет ничего странного в ностальгии по империи. Точно так же можно сожалеть о мягкости света, который некогда излучали масляные лампы, о былом великолепии парусного флота, о прелестной, но уже не существующей возможности проехаться в экипаже. Но ведь не бывает политики, идущей вразрез с реальностью».* Шарль де Голль.

помочь ему. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет». Так писала в последние годы жизни претерпевшая затем мученическую кончину святая преподобномученица Елизавета Федоровна. У страны, однако, сохраняется шанс на деятельное сопричастие в «доме многих народов», выстроенном по забытым, но до конца не утраченным лекалам Русского мира.

Наш мир – несовершенен, в нем преобладают кровь, пот и слезы. Прикладная же «административная политология» – увы! – привыкла рассуждать в горизонтальной плоскости, приспособившись к логике властных (на данный момент) структур. Реагируя, главным образом, лишь на конъюнктурные угрозы и обращая внимание на окна возможностей преимущественно *post factum*. Ей чужд дующий в лицо ветер перемен, провоцирующий интеллектуальные прорывы и стратегические сдвиги. Подчас ее страшит даже простое, но точное и внятное описание *текущей реальности*, чреватое нелицеприятным ее осмыслением.⁴⁰

В результате подобно *déjà vu* вновь и вновь проявляется симуляция мысли: схематизм, метафоричность категорий, пафосное мифотворчество. Прикрываемые, словно фиговым листком, риторическими упованиями на то, что «и не такое пережили», что «Россия всегда с честью выходила из трудностей». Но энтузиазм и умное действие – это не сентиментальность, не повтор заклинаний «я все же верю». Для достижения исторических высот, воплощения духа, необходим нравственный, интеллектуальный подвиг, культурная и моральная реформация, преодоление себя и обстоятельств.

У обширных пространств Русского мира, раскинувшегося от берегов одного «Русьского моря» до другого, бывшего «Русского моря» – океанического, непростые соцветия, множественность измерений, сложносочетаемые вектора: восточноевропейский и евразийский, «русский» и российский, славянский и поволжский, центральноазиатский и кавказский, христианский и поликонфессиональный, имперский и постсоветский, «постсоциалистический»... В сложном хозяйстве скручены жилы проблем и противоречий, но ощутимо также то, что в современном лексиконе определяется как *эмерджентность*.

Здесь, кстати, можно узреть параллель с цивилизационным интегралом «европейской сумятицы»: суммой культурных противоречий и разночтений образа ЕС, настойчиво преодолевавшихся в процессе строительства. И отчасти присутствующих в настоящем. В Русском же мире тема звучит еще полифоничней, причем с диссонирующими синкопами. Но при всех сложностях – а в перспективе серьезных издержках – это вектор умного деяния. Без гарантий на успех, однако, не без шанса достичь оно.

Причем имеется в виду не возведение территориально-административного, «имперского» здания, но созидание целостности, системы отношений на основе социокультурной гравитации и общих характерных чертах (и некой психологической доминанты в идеальной модели, т.е. *чертах характера*). Сопряжение которых осознается скорее при взгляде «извне», нежели «изнутри» многоликого сообщества.⁴¹

Если на этом пути удастся достичь позитивного результата, то выстраивается не столько Русский Дом, сколько восстающий из беспомыслия Русский Град в безграничной Ромее,

⁴⁰ См. Александр Неклесса. Герои и общество. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/2448-aleksandr-neklessa-geroi-i-obshhestvo.html).

⁴¹ Ср. несколько иную, но в чем-то схожую мысль: «Велико незнание России посреди России» (Н.В. Гоголь).

прикоснувшийся к темным временам и, хочется надеяться, отшатнувшийся от них – обитель многих народов, соборное «единство в многообразии».

* * *

Подведем предварительные итоги.

Россия, возможно как никогда ранее, нуждается в обновленной концепции не только геополитического или экономического свойства, но в социальном и культурном развитии. И в своей мечте...

Модель земной власти в подвижном, калейдоскопичном мире представляет цветущую сложность: симфонию культурно-исторических организмов и народов, динамичное сочетание разнородных, противоречивых, умножающихся элементов практики, синергию деятельных членов общества и пассионарного политического класса. Все это предполагает серьезные капиталовложения – материальные и нематериальные – в население страны и новую логику отношений с миром.

Человек, при всех недостатках, существо особое – образ и подобие живущего внутри идеала. Это «солдат-наильник, неожиданно для себя бросающийся под колеса повозки, чтобы спасти ребенка». Так что качества грядущего мира не есть некая фатальность, с неизбежностью рока надвигающаяся на нас, маршрут истории намечен пунктиром в сердцах и определяется умным, деятельным сознанием.

В суете повседневности как-то забывается, что будущее есть прямой результат человеческих усилий.

Благодарю за внимание.

PERSONALIA

Александр Иванович Неклесса. Председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН).

Руководитель Группы ИНТЕЛПРОС. Научный руководитель проекта ВВЦ-2 («Время-Вперед-Центр»). Член Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ГАО ВВЦ.

Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований ИАФРАН. Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем.

Руководитель Московского интеллектуального клуба «Красная площадь» и междисциплинарного семинара «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем департамента стратегического развития ВВЦ, являлся членом аналитической группы Совета Оборона РФ.

Действительный член российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF); а также Русского исторического общества и Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегии российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии». Ведущий еженедельной аналитической программы «Будущее» (FINAM FM).

Автор более 500 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории.

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

www.intelros.ru